

ТЮМЕНЬ Литературная

*Горит, горит село
родное,
Горит вся родина
моя...*

Из русской народной песни

Газета писателей России и Русского Зарубежья
RUSSIA № 1 (79) 2004 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

К. А. Васильев. Холст, масло. 1973 г.

«Горят, горят пожары...»

Тема картины навеяна русской народной песней того же названия

Великому русскому поэту Федору Ивановичу Тютчеву — 200 лет

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

Ф. И. Тютчев

...Электорат ответил: есть!

*Какую партию не создавай,
все равно получается КПСС!*

В. С. Черномырдин

Нет, что ни говори, а нынешние «россияне» великодушно относятся к яркому слову. Пусть за ним — глумление, пустота, обман. Судить-то о человеке по делам — разучились. И советское инерционное мышление сказывается: «Партия сказала...»

К слову, каких только «дел» не сотворял незабвенный В. С. Черномырдин, разрушая прежнюю экономику, даже «стрелял» по Верховному Совету РФ (1993 г.), а, похоже, прощен. Электорат с умилением вспоминает его «потрясающие» речевые словосочетания! В приступе косноязычия, смурного мышления возникшие на свет. «Если хотите что-то сказать, сидите и молчите!» Или: «У кого тут руки чешутся (то есть у оппонентов — ред.) чешите их в другом месте!»

Редкостный «цицерон»!

А уж каким красноречием обладают многочисленные «серые пиджаки» — из числа советской партноменклатуры, скопом заполнившие «единоросскую» партию, победившую на думских выборах в декабре прошлого года, «никто не знат», как говорят в сибирской деревне. «Сидите и молчите!» И будут. Молчаливо и послушно голосуя за все, что против блага людей. Великие молчуны! Зато их руководящая «сладкая парочка» оказалась очень многословной во время предвыборной мясорубки. Работала на износ! Не вылезала из телевизора! Разбойно перехватив прогрессивные лозунги патриотической оппозиции. Не свое же «реформаторское» преподносить электорату. Все итоги плачевного пятнадцатилетнего «реформаторства» сваливая на «левых». И «правые», братья по делам и духу, отчего-то на сей момент тоже разонравились всегда держащим нос по ветру номенклатурщикам. Нет теперь в Думе Хакамады и иже с ней. Зато есть Слизка!

Друзья, знакомые изумлялись, обнаруживая на рекламных щитах «ЕдРы» цитаты из Маяковского, Есенина, Пушкина, Тургенева, агитирующие... Неужель — за Слизку? Воинские возгласы великого генералиссимуса Суворова! Что — и он тоже? За Слизку? И Лермонтов со своими строками:

А вы, надменные потомки,

Известной подлостью прославленных отцов...

За Пехтина с Морозовым? За какого-то Резника?

И вовсе шокирующее: портреты железного Феликса, Гагарина, Королева и даже... товарища Сталина, мелькавшие в агитационной рекламе «единороссов».

Так ликуйте анпиловские старушки, впервые осмелившиеся поднять над протестной демонстрацией 90-х портрет создателя мощной советской державы, победителя германского фашизма! Гордись, зюгановская КПРФ! Ваша работа дала плоды. Может, даст и продолжение...

Но не все просто. Нынешняя «ум, честь и совесть» — верно учуяла куда клонится стрелка барометра народного настроения. Грабительская деятельность оборотней из КПСС дает сбои. У нас, русских, не западное мышление, не частнособственнический менталитет, а вовеки свое: соборность, сочувствие к ближнему, коллективизм, стремление к справедливому мироустройству. На этом поле и взяли верх грызловцы. «Где тут за Шойгу? — ломились к урнам пенсионерки телевизительницы. — Где тут за...»

Будто «заветный камень», бывший морской замполит, глава ЦИКа Вешняков, еще больше каменел, проговариваясь: «Победим!»

Еще бы! Умная электронная машина «ГАС-выборы», изобретенная в свою пору талантливым конструктором Ю. С. Ломовым, способная вести мгновенный подсчет голосов избирателей — без «шума и пыли», без подтасовки, начинена нынче — взамен выпотрошенной российской электроники! — штатовской, американской. И никто не даст гарантии, как пишет газета «Патриот» (Москва, № 1, 2004 г.), что теперь система не управляется из ЦРУ... Сам Ю. С. Ломов отныне такой гарантии дать не может.

Впрочем, дело не в успехе той или иной партии. Успех этот бывает дутым, если в руках партии все рычаги влияния на электорат. Хотя партии Жириновского всегда достанется поддержка многочисленного маргинального быдла... Вопрос в глобальном умопомрачении и апатии общества. Такое бывало в истории. И в истории России тоже.

Успехи экономики? О них нам вещают ежедневно. «Народ стал жить лучше!» О каком народе речь идет?

Заглянем в глубинку. Все, что досталось от колхозно-совхозного хозяйствования, давно порушено и растащено. Люди без работы. Самоорганизовываться разучены. Да и «контингент» маломощный: в деревнях, скажем. Даже колодец для питья вырыть, как в старину деревенские поступали, не могут коллективно. И средств нет. Привычно ждут помощи от властей. А кто еще поможет? Нет таких благодетелей. Так вот происходит сейчас в моих родных весях — в Бердюжских краях. Зато прокладываются в районе асфальтные дороги. До самой границы с не очень дружественным Казахстаном. И не станем ли мы свидетелями момента, когда какой-нибудь Бен Ладен, оседлав броню, «поскачет» по этим дорогам с возгласом «Аллах акбар!»

Страшно? Но все возможно в наш умопомрачительное время.

Николай Денисов.

Тюмень литературная

Безнадежность?..

На вопросы журналиста отвечает Сергей Андреев, глава Окуневской сельской администрации Бердюжского района Тюменской области

— Сергей Владимирович, на территории вашего сельсовета был совхоз «Бердюжский», вокруг него вертелась вся жизнь. Чем сегодня заняты люди?

— От совхоза ничего не осталось, его правопреемник одноименный СПК начал процедуру банкротства. Несколько крестьянских хозяйств, как и СПК, никаких отчислений в бюджет не делают, они каждый год срабатывают стабильно по полям. Потому наша территория на 80 процентов дотационная. Единственным плательщиком бюджета является местное подразделение Ишимского племзавода «Юбилейный», в нем работают жители села Окунево и деревни Одышка, в сезон это сотня рабочих мест.

— А сколько всего жителей?

— Одна тысяча триста человек. Они живут в шести населенных пунктах.

— Если в деревне нет производства, наверное, люди заняты промыслами или личным подворьем? Иначе чем же им жить, детей учить на что?

— Очень многие живут рыбой. Наши озера богаты карасем, его с удовольствием покупают в райцентре, и в Ишиме. Мужчины каждый день ставят сети, фитили, улов сдают перекупщикам, на это существуют. Да, с точки зрения закона такой промысел без оформления специальных доку-

ментов противозаконный, но у кого рука поднимется лишать семью последнего куска хлеба? Когда администрация Собянина объявила о стабилизации закупочных цен на молоко, мы провели большую работу с населением, и поголовье коров выросло, увеличился закуп продукции. Но нынешним летом снова цены снизили до уровня трех рублей, к тому же очень жестко стали относиться к качеству молока и определению процента жирности. На встречах люди мне ставят в вину, что не могу достойно защитить их интересы. Жирность определяется на маслозаводском комбинате в Ишиме, приехал заготовитель и объявил, что сегодня, к примеру, жира 3,2 процента. И все, можешь до хрипоты кричать, что в молоке твоей коровы сметаны отстаивается третья часть банки, получишь за литр гроши.

Все это привело к тому, что молоко получать на подворье и сдавать заготовителям стало невыгодно, по всем деревням идет сброс маточного поголовья. Только по Окунево за сентябрь пустили под нож больше двадцати коров. Судите сами: выращенного за два года бычка крестьянин сдаст на пять тысяч рублей, а для вывозки сена с покоса надо заплатить за «Кировец» по 500 рублей за час. Да и со сбытом мяса большие проблемы.

— Райцентровское предприятие «Дина» занимается закупом мяса, вы не пытались с ними установить договорные

взаимовыгодные отношения?

— Пытались и пытаемся, но это предприятие акционерное, у них и в уставе записана главная цель — получение прибыли, поэтому они очень избирательно подходят к закупу. Берут в основном молодняк крупного скота, коров и свиней не принимают. Для крестьян это большая проблема, но мое влияние на нее ограничено.

— Такая обстановка не подвигает людей к выезду из родных, но неуютных мест?

— Едут те, кто надеется как-то устроиться на новом месте, получить работу, в деревнях остаются старики. В Крутоберегой осталось несколько семей казахов. Школу законсервировали в рамках оптимизации, детей возим в Одышку, медицинская помощь выездная. В Савино остались пожилые женщины-одиночки, весь социальный быт свернут. В Нестерово есть школа, фельдшерский пункт, два магазинчика, но нет рабочих мест, потому в этом году выехало десять семей, в основном молодые люди. В Одышке неполная средняя школа, хорошее здание на две сотни учащихся, но сегодня учится только 35 человек. По программе оптимизации образования, если применить государственные стандарты, школа по всем параметрам попадает на сокращение и, видимо, будет закрыта.

— То есть, ее уровень снизится до начальной?

— Это — тоже под вопросом, потому что в расчеты принимаются расходы на содер-

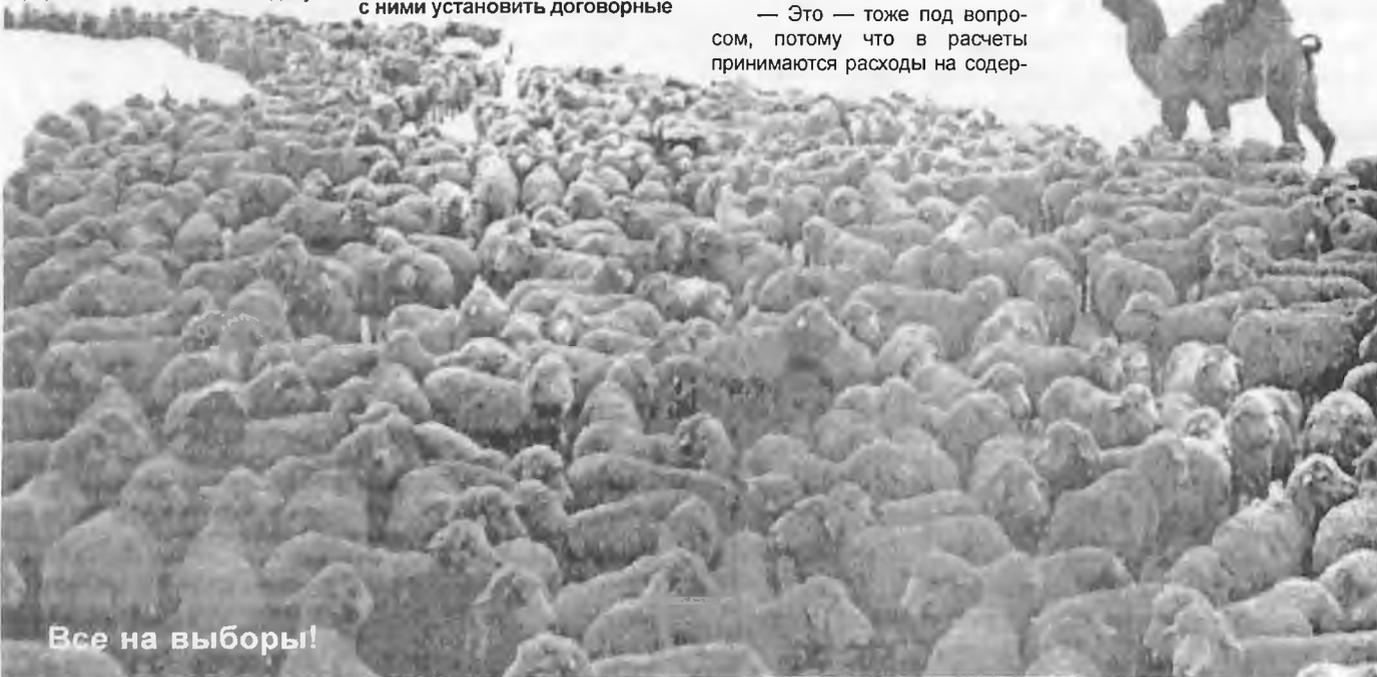
жание помещения, а они одинаковы при любой категории школы. Скорее всего, она будет законсервирована. Детей будем возить в Окуневскую среднюю школу, такой опыт уже есть. Ребятушки из деревни Карьково с первого по последний класс каждый день ездят на занятия в Окунево. Для детей это неперспективно и неинтересно, кроме уроков они ничего не видят, они полностью выпадают из воспитательного процесса.

— Молодые люди после школы остаются в селе?

— Нет. Молодежь уходит, деревня стареет. Средний возраст механизаторов в нашем подразделении «Юбилейного» больше 45 лет. Ежегодно умирает по 30—35 человек, рождается по 6—8. Выдам вам военную тайну: в этом году наша территория не отправила на службу в армию ни одного призывника. Одного довели до Тюмени и оттуда вернули, потому что весом не вышел. Да что говорить, если район отправил в войска только 10 процентов от списочного состава призывников. Если ничего не изменится, лет через десять на территории останется одна центральная усадьба.

Посмотрите, сегодня в деревне нет ни одного строящегося дома, это же верный признак безнадежности.

Спрашивал
Николай Ольков.

Все на выборы!

Повседневное «поле чудес...»

Современное бытие

...Искажая душу человека, люди не должны ждать от него милосердия к ним... Человек имеет право мести — это право дают ему люди!

А. М. Горький

Опаздываю на работу. Крыльцо моего учреждения напротив. Стою у «зебры» под переходным знаком и, как парализованный, не могу тронуться с места. В две полосы — налево и направо — летят машины и ни одна не тормознет, торопятся: время — деньги...

«Поднимаюсь к шоссе, окольцовывающему парк, за ним — университет. Написано «Gross» — значит переход и «зебра». Привыкший к нашим вольно-разинским водительским нравам, останавливался, пережидая, когда проедет машина. А та терпеливо ждала, когда я перейду дорогу. Раз «зебра», то все права мои.» В. Лавров. «Сны о Канаде».

«...до чего прилично, интеллигентно, предупредительно ведут себя водители на английском мотовее (автомагистраль — В. Н.). Испытываешь к ним невольное уважение. Меня, привыкшего к нашему постоянному хамству, это очень трогает. Англия — страна правопорядка, терпимости. Отсюда — уютчивость.» Л. Замятин. «Хич-хайк-1».

Это у них. Нам их законы не указ.

Мне мой сосед раскрыл свою хитринку по переходу опасных мест: «Подхожу к «зебре», затемненные очки напяливаю на глаза, руку с тонкой белой тросточкой вытягиваю вперед и иду, постукивая ею, как слепой. Помогает. Иногда.

В общественном транспорте у нас пассажир подвергается постоянному насилию, я бы даже сказал — зомбированию. Над каждым ухом по динамику. «Ненавязчивый» сервис. Слушай, что предписывают. «Русскому» авторadio словно вменили в обязанность прививать неприязнь ко всему русскому: агрессивность рекламы, пошлая развлекуха, душераздирающие шлягеры, доходящие часто до откровенной нецензурици. Начальственность радуется: обзвучили всех, а что до крепких выражений, они ведь и по телевидению, и по радиотрансляции в квартиры домов прорываются в уши зрителей-слушателей.

Во многих автобусах верх оконных стекол перекрыт полосой ткани, за которой где-то прячется информация и аварийный молоток. О безопасности дорожного движения мы вспоминаем, устраивая месячники, после крупных аварий.

Каждая остановка по линии движения в Тюмени превращается в стоянку. Пассажиру надо ехать, а водителю — ждать, когда битком набьется салон. Прибыль-матушка заставляет. В этом смысле строки Маркса о прибыли и сверхприбыли незыблемы.

Дождался я как-то в выходной автобус № 17 до Метелево (район дачно-жилой) и даже втиснулся внутрь, а на следующей остановке — центр города — в полуоткрытую дверцу кондуктор спрашивает ожидающих не ломиться — будет следующий автобус, а когда? — кондуктор разводит руки и выразительно пожимает плечами. Толпой пассажиров я был «впрессован» в левое окно и волей-неволей пронаблюдал, как мимо нас, встречно, из Метелево врпиртирку друг за другом, прошли четыре пассажирских автобуса. На конечной остановке, когда мы подъехали, стояло еще три единицы. Наш стал на отдых четвертым. Это сколько же надо чиновничьих голов, чтобы рассчитать равномерное движение транспорта по маршруту? Иногда их на конечной остановке скапливается до десяти единиц.

Автобусный парк обновляется, в комфортабельных салонах перечень телефонов, по которым можно посоветовать на

... (стило запнулось, не умея обозначить явление), — водительский саботаж? Но звони, не звони... «устный ответ по российскому законодательству не является ответом, — заявляет А. Горшков, глава департамента правительственной информации. А телефонная справочная «09» отвечает: «У нас правительства нет».

Так вот и живем день за днем: в толчее и беззащитности, нервотрепке, лязге и грохоте. Ждешь ночи — отдохнуть, но и она не приносит покоя. Дома в осаде круглосуточных пивных «очумеловок». Развесело-пьяный рев, матерно-кулачные разборки, буханье «тамтамов» из машин подгулявших молодчиков.

Днем идешь на работу и с изумлением читаешь широкоформатную рекламу: «Ваш музыкальный центр не будит соседей? Купите новый!» И сбоку по вертикали: «Мир принадлежит тебе». Просто и скромненько. Ты — пуп вселенной. Так что наплюй на всех. Что за пристрастие — мешать жить другим? Направляемое и разжигаемое пристрастие. Что внедряют в наши души? Переступи через совесть, обмани, оттолкни, выиграй. В этом смысле чего стоит передача «Слабое звено» или «Русская рулетка». А заискивающе-льстивое кривляние ведущего «Поле чудес»? Проповедь «культурного» питания: скоро сюда алкоголь будут подавать цистернами. Стендаль как-то сказал: «Нельзя льстить никому, даже народу». А мы?... Ордена раздаем за такое действие, почетные звания присваиваем.

По всей Руси, некогда великой, картина одна: со времен горбачевской «антиалкогольной» программы жаждущий люд стал все сивушное потреблять круглосуточно, с нарастающим ускорением. «Единственная отрасль, прогресс которой не вызывает сомнений как в настоящем, так и в будущем, — алкогольная промышленность», — утверждает В. Замятин, директор департамента промышленности в статье «Тюмень продвигает свою водку на Север».

Цитата дня: «Для женщин шестой литр водки — бесплатно!»

На душу российского населения, включая стариков и новорожденных, производится сегодня более 40 литров пива, а по Москве — 60. За последние 5 лет частота употребления алкоголя детьми до 14 лет (!) увеличилась почти вдвое. Это данные Минздрава РФ.

Матери идут со слезными стенаниями в магазины спрашивать, почему торговля спаивает их детей, а им навстречу — бумагу с солидными подписями и печатями: имеем право, и продают детям в любое время суток алкоголь, крепостью до 8 градусов.

Что произошло? Кто порушил плотины и дал волю разливанному морю алкоголя? Сколько раз в сутки подростки видят на экране телевизора бутылку пива с комментарием: «Ради этого стоит жить!» или «Хочешь быть настоящим мужиком — пей!». Цитирую (с купюрами): «В декабре 2000 года вышло постановление главного санитарного врача РФ «Об усилении госсанэпиднадзора за пивоваренной продукцией». Предполагалось приравнять пиво с содержанием спирта более 1,2% к алкоголю и ограничить его рекламу, запретить продажу пива лицам моложе 18 лет, а также вблизи учреждений образования, культуры, здравоохранения. ...руководители пивоваренных компаний взвились: потребовали немедленной отставки чиновника (имеется в виду главный санитарный врач РФ — В. Н.) и его преследования в судебном порядке. ...начался массированный шантаж общества, потребителям немедленно пообещали взлет цен, ...правительству пригрози-

ли снизить отчисления в бюджет. ...СМИ нарисовали перспективу остаться без рекламных денег (пивная доля в телерекламе — не менее 60 миллионов долларов) ...**большинство пивоваренных заводов в России принадлежит иностранному капиталу.** ...через три месяца. ...через министра здравоохранения (высоко стоящий чиновник (!) — В. Н.) посоветовал Онищенко отменить постановление. Тот отменил.

Следует добавить: пьяных подростков в медвытрезвитель не забирают (берегут неокрепшую душу?), пусть шатаются, где попало, зато пенсионер, отметив сто граммами свою «жирную» социальную помощь, попадает, как пить дать, и на него оформят документ о вычете из его пенсии двухсот рублей и отправят ту «цидулю» в комитет по социальной защите. Круто?

Но вернемся от нашей пестрой повседневности к «Снам о Канаде» В. Лаврова.

«Мне показалось, что основным действенным и грозным регулятором жизни в Канаде является штраф:

— за курение в колледже — 10 долларов,

— за распитие спиртных напитков — 100 долларов, а при повторном нарушении — изгнание из колледжа;

Поэтому за четыре месяца я не видел здесь не только пьяных, но даже под легким хмельком студентов. А между тем за время моего пребывания в Канаде было немало праздников — от Дня благодарения до Рождества... Любителям «зеленого змия» в Канаде неуютно: горячительные напитки не только нельзя распивать в общественных местах (кроме, естественно, ресторанов), но даже носить раскупоренные бутылки, например, в парках. Опять штраф.

В отличие от нашего «менталитета» все эти кары прописаны отнюдь не только на бумаге, а являются руководством к действию. (Канадцы — В.Н.)... в большинстве своем — это уверенные в себе, в своем деле люди, умеющие и работать и, когда наступают праздники, веселиться.

Майкл Белевский — канадец лишь во втором поколении. Очень расстраивался экспансии в Россию американской массовой культуры. ... Интерес к России резко упал. Тут уместно привести слова Эдди Хейера.

— Помню, — говорил мне Эдди, — полетел Гагарин. Что было! Какой подъем! Все жили Россией, все хотели учить русский. И как читали русские книги! А теперь?

И в самом деле, чем мы можем нынче привлечь-паразит? Московскими политическими интригами? Экспериментами по внедрению капитализма? Так они это уже проходили, а от капитализма не в восторге.»

Еще одно признание, теперь уже другого человека и о другой стране. В. Молчанов: «... через Голландию я открывал для себя те ценности, которые нынче с пафосом именуются правами человека и свободами. Я и сегодня убежден что Голландия — самая свободная страна в мире, нигде не встречал столь трепетного отношения к человеку.»

А вот наш «трепет»: получив новый паспорт с двуглавым мутантом на обложке, и обнаружив с недоумением, что я отныне по национальности — никто, спрашиваю чиновника: «Почему убрали мою национальность? Разве я заявлял, что не хочу больше быть русским?»

Локоть чиновника прочно становится на стол, указательный палец, как нацеленная ракета — вверх. И — тишина. Понимай сам, как хочешь.

«А наши соседи: казахи, киргизы, таджики и т. д., — тоже лишены своей рациональности? — добиваюсь я ответа и вот что слышу: «Мы не имеем права навязывать свои законы сопредельным странам.» Это что же получается? Все будут, а меня — нет. Какая же кощунственная насмешка у нас над самим понятием — права человека.

Часто повторяемый российский рефрен краток: «Денег в бюджете нет». Ни на развитие культуры, образования, медицины, ни на зарплату работникам этих сфер. То, что нынче именуется зарплатой бюджетника — всего лишь объедки после многочисленных пышных презентаций новых барских столов.

В ноябрьской передаче «Времена» ведущий В. Познер, когда зашел разговор об инвестициях в российскую экономику, задал вопрос В. Потанину: а как же Р. Абрамович, покупающий зарубежные футбольные клубы и сверхдорогие яхты?

На это у олигархов один ответ: «Никто не имеет права указывать человеку, как ему расходувать свои деньги».

У воротил «свои» деньги, тогда как каждый четвертый россиянин — нищий.

Накануне новых, обременительных для основного населения выборов, один из законодателей бросил клич: «Долой бедность и богатство». Решил вдруг, одним махом искоренить всё, но для этого нужны дополнительные три триллиона рублей. «Снизил мы налог на прибыль, но налоговые выплаты от этого не возросли. Прибыль как укрывали, так и продолжают укрывать». Спрашивается: зачем огород городили? И вышло, что снова должны напрягаться нищие бюджетники, безгосударственные люди. Выверните карманы, заскребите недостающие триллионы и помолитесь за здоровье олигархов.

Среди газетных полос вдруг резанул глаза заголовок: «Почему в России не рожают?» «Нет денег, — отвечает АиФ самим себе. — Нет денег — нет детей». Среди отбитаемого понятия россияне, есть русские, уже лишённые национальности. Но статистически среди россиян умирает людей больше, чем нарождается. Вымирает русская нация.

Вот свой тюменский пример: «В прошлом году в Тюмени родилось 7 тысяч детей, всего по югу области — 16000. За это время было совершено 20000 абортот. Политики радостно сообщают, что идет всплеск рождаемости, но это обманчиво. Одного-двух детей рожают женщины, родившиеся в начале 80-х, когда за очередного ребенка квартиру обещали. Третьего рожают немногие, еще меньше — четвертого-пятого. Хотя, по медицинской статистике, просто для поддержания нации на прежнем уровне на одну женщину должно «приходиться» два-три ребенка». («Комсомольская правда», № 223 от 2 декабря 2003 г.)

Нет денег и на реформу Армии. Генералы и адмиралы укрывали своей страны 43 миллиарда рублей. «Комсомолка» опубликовала только 120 фамилий золотопогонных уголовников. Осуждены единицы... Несколькими десятками уголовных дел глубоко «замурованы» в недрах военных, гражданских прокуратур и судов. Доступ к этой информации так же труден, как к кодам «ядерного» чемоданчика. Таковы наши законы.

А вот оптимистичный Борис Немцов заявляет, что «страна в состоянии усилить (I — В.Н.) реформу уже сегодня».

Немцову можно верить: реформатор «результативный», опытный. Достаточно вспомнить изреченную им суть жилищно-коммунальной реформы: «Кто не может содержать квартиру, пусть её освобождает». А сколь «успешно» он пересади чиновничество из иномарок в отечественные автомобили? Теперь в «мерседесах» ездят бомжи да селяне, а чиновники маются с отечественными «запорожцами». Не пропадут. Они — народ выползучий.

Печальная тема — наши реформы. Заглянем в сексуально-преобразованные школы. Молодые учительницы соблазняют мальчиков-старшеклассников и подозрительно «беременеют» от них, а затем вымогают доллары на дорогостоящие «абортот». «На сегодняшний день вымогательство под различными предлогами процветает, по данным независимых экспертов, не только в подавляющем большинстве элитных, платных колледжей, но и в обычных школах. И самым эффективным сейчас стало вымогательство по причине: не принесешь денег — не дам тебе после уроков».

Не хочется продолжать. Заглянем лучше в итоговую картинку: ...состоятельные родители боятся уже отдавать в лицей и колледжи своих детей, предпочитая обучение на дому, — говорит директор крупного московского колледжа А. Савостьянов, ...приходят к нам молодые девочки, учительницы, после института. И что они здесь видят? За учениками приезжают сверкающие «мерседесы» (далее идет перечисление роскошных машин, сверхмодной одежды — В. Н.), пишут они

золотыми «паркерами», а в ушах и на пальцах у них — моя квартира, дача и машина... Соблазны! Не каждый устоит. Вы знаете сколько получает учитель 14-ой категории? (всего категорий — 16) 600 рублей! Плюс доплата в 300 рублей за проверку тетрадей и никакой доплаты за все внеклассные мероприятия.»

Следующая ступенька — вуз. «Родители российских абитуриентов ежегодно тратят на поступление детей в ВУЗы до 900 млн. долларов. Такие данные получили эксперты высшей школы экономики. Они даже подсчитали средний размер взятки при поступлении — 1200 долларов за экзамен.»

«Воровать стали меньше, но хитрее», — замечает председатель счетной палаты Сергей Степашин. Перечитал фразу и думаю: от чего идет отсчет — от триллионов к миллиардам или от миллиардов к миллионам. Бегу глазами по странице и натываюсь на следующую фразу: «Потери бюджета от завышенных акцизов на водку доходят до 40 (сорока) миллиардов рублей в год».

Прав Сергей Вадимович — воровать стали меньше. Такая вот минимизация оптимизации. Грустно все это, господарасхитители. Листая уже желтеющие страницы периодики и, наконец, вот они — от «королей» до «шестерок». Карточная россыпь на всю полосу — тридцать два лица, или как там у В. Познера в передаче «Времена» — свежие головы? Любуйтесь». В первой четверке М. Ходорковский, Б. Березовский, Р. Абрамович, О. Дерипаска и далее по иерархическим ступеням вниз. Велика честь — всех перечислять.

«Наиболее отзывчивы и дружелюбны люди состоятельные. Живя в достатке, они чувствуют себя виноватыми перед теми, кто своего не добрал, чего-то лишен. Состоятельные живут с этим комплексом вины и охотно, активно помогают другим, когда предоставляется возможность».

Это, извините, не о наших абрамовичах, о богатых англичанах.

И вот в связи с первой фамилией в карточной россыпи олигархов снова пришлось вернуться к маленькой заметке М. Сазоновой «Долой бедность и богатство».

Вдумайтесь во фразы, которые я сейчас извлеку из заметки: «Прибыль как укрывали, так и продолжают укрывать. Наглядная ситуация с Ходорковским. И я не скрываю того, что являюсь соучастником этих событий, — твердо заявляет Геннадий Райков. Соучастник чего? Укрывания прибыли или совокупно всех деяний, за которые М. Ходорковский попал под следствие. А ведь это покаяние не рядового политика. Геннадий Райков — руководитель партии и претендент на новый думский срок в предстоящих выборах».

Так и хочется послать их всех куда-нибудь подальше и откопать что-нибудь веселенькое (например, о московских «развлекухах»), чтобы вспомнился голос оперного певца за сценой: «...сла-а-а-досто мне».

В Москву зачастили зарубежные мегазвезды всех калибров. Большинство из них разнообразят свой досуг через эскорт-бюро «Мадам», одно из многих в Москве. **Кстати, один из владельцев бюро «Мадам» — гражданин США**. Состоятельных иностранцев обеспечивают всеми (даже труднообразимыми) услугами по женской линии. На полосе крупный заголовок: «Русская подружка для «крутого уокера», под ним, буквами помельче: «Американские кинозвезды свои самые изощренные эротические фантазии воплощают в Москве». Одна из главок полосы, ничтоже сумняшеся, заявляет: «Всегда готовы! Для любого...» «...Многие девочки уже давно не работают моделями. Кто-то служит в банке, кто-то в офисе продаж. Но все они есть в картотеке. И если в один прекрасный день позвонит имярек и предложит провести вечер с одним или несколькими имяреками, ты будешь последней душой, если откажешься... Все способы развлечений и позиций, в которые ставят «уокеры» наших смазливых замужних продажных дам, описаны до омерзения подробно».

Корреспондент: — А если муж узнает?

— Не узнает. Можно отпроситься на вечерок, мол, в банке очередная заморочка. Зато потом будет о чем вспоминать всю жизнь».

Телевидение — путь к слабоумию?

Тех, кто подолгу просиживает перед телевизором, поджидает опасность — их мозг подвержен пагубному влиянию, которое может обернуться слабоумием. К такому выводу пришел профессор Тель-Авивского университета Моше Авронсон.

Косвенным образом гипотезу профессора подтверждают исследования, проведенные в районах, где проживают в основном иудеи-ультраортодоксы. Эта категория населения Израиля вообще не смотрит телевизор, считая его «окном в греховный мир».

Так вот, в этих районах почти не встречается стариков, пораженных слабоумием. В то же время в целом по стране слабоумием страдают 5 процентов людей в возрасте 65 лет и более 20 процентов тех, кому перевалило за 80.

Есть простой способ уберечься от пагубного влияния голубого экрана. «Во-первых, — рекомендует профессор, — нельзя помногу часов подряд просиживать перед телевизором и уж во всяком случае следует расстаться с привычкой смотреть программу новостей перед сном. Кроме того, каждый должен знать индивидуальные методы психологической разрядки и почаще применять их, защищая свой организм от разрушительного воздействия телестрессов».

«Континент», № 10—94.

Хороши девочки!

Такие вот картинки на фоне лобастых, напряженно думающих политиканов. Пир во время чумы.

Приведенные в статье цитаты — это всего лишь микроскопическая пыль на поверхности «демократических» реформ.

«...сегодня в высшем руководстве страны борются две основные точки зрения на то, каким должен быть выход, — рецепт коммунистов отложен про запас, к нему в конце концов всегда можно вернуться. Первая: спасти население страны (не страну, а её население!) может только полная капитуляция перед Западом (читай — Америкой — В.Н.) с передачей ему всех прав на природные ресурсы. Вторая точка зрения: мы еще можем попытаться выкарабкаться. Может инфраструктура продержится лет десять, а мы за это время совершим-таки прорыв в постиндустриальное общество».

«Ответа на вопрос «Куда идет Россия?» по-прежнему нет, хотя в нем категорически нуждаемся мы все: народ, власть, олигархи».

Предержащие власть пустили в ход все способы растления, спаивания, оболванивания и вымывания остатков здравого смысла у населения страны, видимо считают, что одурманенную толпу легче отвести от социального взрыва, девятый вал которого уже ощутимо слышен. Будем сидеть сложа руки и ждать?

И в конце несколько слов устами младенца: «Паша Шведков, 12-летний школьник из Усть-Кута, дважды звонивший президенту В. Путину в 2001—2002 гг. с просьбой дать тепло в доме, нынче, несмотря на мольбы горожан, отказался разговаривать с ВВП: «Я разочаровался в президенте. Отопления как не было, так и нет...»

Декабрь 2003 г.,
г. Тюмень.

КНИГА — ДРУГ И СОБЕСЕДНИК

Разговор главного редактора «Тюмени литературной»
Н.В. Денисова с генеральным директором тюменской фирмы
ОАО «Газснаб» В.И. Рябковым

Денисов: Виктор Иванович, проблема русского народа — тема эта, одна из главных в сегодняшнем номере «ТЛ», — прямым образом стоит на «повестке дня» в России. Мы, русские, вымираем, число рождений в стране намного меньше числа смертей, числа не родившихся. Счет идет уже на сотни тысяч.

Патриоты говорят об этом в полный голос. Мало что меняется. Немало проблем в культуре, литературе. Это наша духовная жизнь. И она напрямую связана с бытом. Особенно трудно сельским жителям. И мы, в прошлом выходцы из села, конечно, с болью думаем об этом... Знаю, что вы уроженец Зауральской Исетской земли. Это старинная сибирская хлебная житница. Осваивали эти края особые люди — старообрядцы, пришедшие в Сибирь из Центральной России, Северного Поморья. Вы, естественно, человек этих особых староверческих корней. Что они в вашей жизни? В духовной, в первой очереди?

Рябков: Вопрос объемный, мы с Вами можем только частично высказать свое мнение по этой теме. С чего начать? Только что мы были свидетелями предвыборных баталий в Государственную Думу. И видим сейчас, как ведущая партия «Единая Россия» использовала патриотическую тему. Также «Родина» и ЛДПР делали уклон на «русскую тему», думаю, за счет нее эти партии получили большое количество сторонников...

С семнадцатого года прошлого века, когда случился октябрьский большевистский переворот и захват власти, пострадал больше всего именно русский народ. В открытой печати эта тема мало звучит, но когда пошла борьба за голоса на выборах, ее использовали в полной мере. Волнует эта тема людей. Русских. И в национальных республиках тоже, скажем, Башкирии, Татарстане, где почти половина населения — русские. Выходит, всем понятно, что если русская нация будет крепкой, консолидированной, все вокруг нее сплотятся. И здесь нет никакого национализма. Всегда русские цементировали общество и государство. Во все времена.

Денисов: Когда россиянин любой национальности оказывается за границей, он там — русский. Во время Великой Отечественной войны, напомним, мы для врагов все были — русские.

Рябков: Да, это так. Я был туристом на Олимпийских играх, других соревнованиях и мероприятиях. Так вот там тоже все наши спортсмены — татары или мордвины — все для иностранцев — русские, как члены сборной России, ее представители. Это о многом говорит. И спор какой-либо в этом отношении неуместен... Что касается демографических вопросов, то ведь понятно: нужна политическая стабильность, экономический достаток, нормальные условия жизни, уверенность в будущем — и семей и детей будет больше, их любят и хотят.

Денисов: Давайте, Виктор Иванович, поближе к родной тюменской земле. А конкретно — к исетским вашим краям, старообрядческим, то есть древнерусским.

Рябков: Я знаю его историю. Это пшеничный, ягодный, грибной, рыбный, цветочный край. Старообрядцы и казаки пришли сюда первыми, заселили и освоили эти

земли, имели многодетные семьи. Среди наследников этих землепроходцев немало выдающихся хлеборобов, ученых, знаменитых воинов, Героев Советского Союза. Самый известный, пожалуй, дважды Герой Социалистического Труда Академик Терентий Семенович Мальцев. Уж он то знал обычаи старорусские: отношение к труду, к земле, соблюдению традиций, морали. У старообрядцев ведь все переплеталось в жизни: и образ бытия, и православная вера! Мало кто знает, наверное, что среди нескольких памятников нематериальной культуры России, считающихся достоянием человечества, объявленными ЮНЕСКО, является поселение этнографической группы старообрядцев Сибири.

Я хорошо помню себя где-то с трех лет. Всегда у нас в доме были книги и иконы. Фолианты эти толстые, конечно, были в основном религиозного содержания. Но они играли и просветительскую роль. Практически все мужчины у старообрядцев были грамотными людьми. В отсутствии в старину школ в деревнях — обучались по этим книгам. Учились дома. Это я знаю из рассказов стариков. Книги эти были и азбукой и грамматикой, развивали мировоззрение, нравственность. А потом, когда этим грамотеям деревенским попадали документы, светские книги, газеты, они уже их читали. Так было и два-три века назад, и ближе к нашим временам. Предки-то наши были достаточно грамотными и просвещенными людьми. С крепкими традициями, моральными устоями.

Денисов: А наши недруги порой твердят, что предки русских были забитыми, темными, с рабским сознанием...

Рябков: На то они и недруги, чтобы исказить былое, чернить нас. Разные периоды в долгой российской истории случались. Зависимость была относительной и временной, всегда оставались большие свободные территории, сохранялись материальные и культурные ценности, появлялись носители и выразители национального характера, воеводы, духовные лидеры. Народ осознавал себя полноправным членом мира, стоящим на истинных путях веры. И в данном случае, о наших прадедах, ведь только крепким духом можно было выдержать столетия гонений прежнего и советского режимов. Да вот свежий, сегодняшний пример. Читаю недавно ноябрьский номер журнала «Огонек». Статью о вымирающих ярославских деревнях. Прочитайте. Журналист с удивлением пишет: вдруг, мол, узнаю, что среди этих развалившихся селений есть одна деревня, в которой улицы вымощены камнями, тротуары сделаны деревянные, хорошие дворы, много живности, — мужики не пьют, трезвые, солидные. Как это в наше-то время? Оказывается, там живут староверы! И журналист опять удивляется: как и откуда попали эти люди в двадцать первый век?! А удивляться надо тому как история пишется, тому что о расколе русской церкви XVII века даже грамотные люди, журналисты не знают.

Мне-то понятно, как! Ведь им нужна была только свобода совести — веры и свобода трудиться. Все остальное они отдавали государству: результаты земледельческого труда, ремесленного и художественного промысла, готовы были и платили двойной налог за веру. Готовили и отда-

вали сыновей на защиту Отечества. Были законопослушными и трудолюбивыми. Так и попали в XXI век, и дальше, я уверен, будут. Другое дело, что староверов — наследников Аввакума, все меньше и меньше. Вот и на мне, видимо, городской тупик, не таежный, в этой вере в нашей семье. Я помню быт, образ жизни своих родичей старообрядцев, стариков, но их мало было — полегли в гражданскую и Отечественную. Всегда у нашей родни были полны загоны скота. Зимой морозные тушки гусей и уток, как венники, висели в кладовых!

Денисов: *Образно и живописно, емко сказано: как венники!*

Рябков: Да. Еще — бочки солонины: огурцы, грибы, капуста. Сусеки, кладовые, погреба полны! Обычное дело... Правда, надо сказать, что это в полных семьях, там, где отцы вернулись с войны, где много трудились, где бабушки оберегали уклад и устои жизни, молились за нас... Я продолжаю обращаться к старым изданиям, ценю книжное чтение. Понимаю его значение для образования, мироощущения, развития души. Нынешние ребяташки компьютерами владеют, в интернет залазят, оттуда черпают информацию. Это неплохо. Но роль книги нельзя убавить, принизить. Внуку это внушаю. Книга — это как бы личный друг. И другом надо дорожить. Заходишь в свою домашнюю библиотеку и настроение в любое время меняется в лучшую сторону. Конечно, читать сейчас приходится меньше. Но все же попадаются такие книги, с которыми ночи напролет проводишь, как бывало в детстве, при керосиновой лампе. Недавно третий том нашего тюменского ученого, почетного гражданина города Виктора Ефимовича Копылова «Окрик памяти» прочитал за несколько ночей — не мог оторваться! А тогда, в длинные зимние вечера, книга была окном в большой мир. Запоем читали!

Нынче огромные завалы-развалы книг на прилавках. Есть и солидная литература, но выходит малыми тиражами. Такое время.

Денисов: *По этому поводу замечу, недавно услышал. Одного малыша спросили: а кто сказки русские сочиняет? И что он ответил? Компьютер! Не Пушкина назвал, к примеру. Вот так.*

Рябков: Да, компьютер, телевизор... Но ведь когда человек маленький читает, он пытливо подходит ко всему, саморазвивается, соперничает, совершенно другие участки мозга у него работают... Ритм чтения у детей разный и каждый читает то быстро, то медленно, то останавливается, то задумывается, делает открытия для себя, то вновь перечитывает. А на экране все мелькает для кого-то вообще в неподходящем ритме, навязывается, как реклама, зачастую отвлекает от действительности. Я не говорю уже о том, что много на экране насилия, лжи, пороков. Вернусь опять в свое детство. Школьником обращал внимание, что на многих книгах стояли штампы Ленинградских, Санкт-Петербургских библиотек. Это были, видимо, вывезенные, эвакуированные в войну книги. И в Сибири пополнявшие наши библиотеки. Выходит, нам, сибирским ребятам, повезло тогда на эти книги. Они помогали в учебе, пополняли знания. Попадались ведь издания XVIII—XIX веков.

Денисов: *Похожее было и в моем селе. Наша сельская библиотека, богатейшая по тем временам, располагалась в бывшей старообрядческой церкви. И мы читали запоем!..*

Виктор Иванович! Мы как бы очертили вкратце наше прошлое — старинные книги предков, неплохие библиотеки в селах. Повезло нам в детстве. А что сейчас читаете?

Виктор Иванович Рябков

Рябков: Меня нынче больше занимает мемуарная литература, историческая. Из недавнего чтения — книга сына известного революционера Антонова-Овсеенко «Напрасный подвиг», царского адмирала Бубнова, мемуары атамана Семенова, книга Матильды Ксешинской. У меня особый интерес к той поре. Тогда как раз и произошел наибольший раскол русского народа. Это время революции и гражданской войны, а точнее смуты. Когда тысячами расстреливали русских людей и с той и с другой стороны. К примеру, семь тысяч восставших против «революционного» произвола кронштадтских матросов, большевики вывели на лед Финского залива и расстреляли из пулеметов. Без всякого суда и следствия. Тоже самое было и в наше сибирское восстание и на Тамбовщине, повсюду. Множество таких примеров известно, вся, так называемая революция из них состоит. Вот что значит — утратили веру православную, утратили духовность, культуру, погнались за чужеземным, неизвестно-утопическим. Так обманули народ, подорвали его генофонд, мощь России, породили беспризорницу, уголовщину, голод. Когда глубоко и всерьез задумываюсь над этим, то страдаю, даже заболлеваю.

Мне порою кажется: я лучше понимаю людей той эпохи — начала XX века, чем нынешних. О том периоде нашей истории не только читал и изучал, но и много слышал от стариков. Беседовал, к примеру, с участником русско-японской войны Жилиным Прокопием Евстигнеевичем. Это было в пору моего студенчества. Он, как оказалось, с братом моего родного деда был на тех позициях. Деда родного и его брата я не знал: они умерли до моего рождения, хотя и я родился в первой половине того века. А Прокопий Евстигнеевич прожил более 90 лет, умер в 1965 г. Да и моя бабушка Пелагея Афанасьевна, ее именем названа книга В.Крылова «Пелагея», прожила 97 лет.

Денисов: *Кстати, мы беседуем накануне памятной даты: столетия сражения крейсера «Варяг» с японской эскадрой. Об этом Россия помнить обязана. О славе русского оружия. Я хочу с гордостью подчеркнуть, что как-им-то «бок» причастен к судьбе этих людей. Моя крестная, что живет в Венесуэле, — Лидия Артуровна Руднева — жена внука командира того «Варяга» — Всеволода Федоровича Руднева. И в этом номере «Тюмени литературной» есть живой материал о варяжцах, полученный мной — из первых рук. Это к слову. Но все равно по*

теме нашей беседы, о книжной культуре русского народа. О старине. А я знаю, что вы собираете старинные книги...

Рябков: Нет, сбором это назвать нельзя, но есть у меня, как память о моих дедах и прадедах, несколько старинных изданий, как и икон. Есть более поздние, назову энциклопедию под редакцией Южакова, изданную в конце XIX-го — начале XX-го веков. Прекрасное издание в 22-х томах. Начиная с него, собираю энциклопедические словари по разным отраслям знаний. Есть и Большая Советская Энциклопедия. Все это незаменимые книги. В них можно найти краткий ответ на любую тему.

Стараюсь и потомству прививать к ним любовь. Третьеклассник, внук Миша пользуется энциклопедиями. Непонятное слово услышит, спрашивает: что это? Я могу, конечно, ответить. Но говорю ему, мол, найди том, посмотри. И ему нравится, что он сам нашел ответ. К примеру, сведения об известных русских летчиках недавно искал и остался доволен.

Денисов: В нашем разговоре невольно присутствует тема православия. Что же сейчас в отношениях староверов и церкви?

Рябков: Это отдельная тема. Клятвенные запреты на старые обряды и староверов отменены Российской Православной Церковью, они в лоне Московской Патриархии. Но расхождение есть. Я, грешный, бываю в церкви, но кредуюсь двуперстием, пусть меня простят. А мнение: надо продолжать идти путем единения, ибо в главном — единство, во востепенном — свобода, во всем остальном — любовь.

Денисов: Вы встречаетесь со многими интересными людьми. В том числе с писателями, людьми искусства, культуры, у Вас есть их автографы?

Рябков: Встречался и встречаюсь, потому что общение, встречи с интересными, увлеченными чем-то людьми, в том числе священнослужителями, являются солью жизни, ее украшением. Вы спрашивали об автографах?

Специально их не собираю. Нет у меня такой слабости. Но книги авторов, с которыми разговаривал, которые подписаны ими, как-то дороже. Книга «Пелагея», о которой я говорил, посвящена мне, это напечатано. На моей полке стоит давний сборник стихов поэта Ильи Фонякова, его уже нет на этом свете, как недавно я узнал от его приятеля, нашего земляка Переплеткина Ю.И. Вечер его в Тюмени помню. Это еще в студенческие годы было, в 1965 году. А запомнил его, и старался читать потом и статьи его в газетах, и другие публикации, потому что понял тогда две строчки:

«... — Так вот, люди, и живете?

Так вот люди и живем.»

Это он о советских временах, о том, что люди потеряли ориентир, живут временно, не хозяйственно, с боязнью, оглядкой: не для себя-не для других. Да и книга для тех лет смело и точно названа: «Начало тревоги». Поэты ведь четко и кратко выражают мысль, их за три строчки любить можно. Вот и в этом названии и стихах вижу мысль: неужели и дальше так жить будем? Ожиданием того «неизвестного-светлого»? Нет, надо начать тревожиться!

«Оттепелью» это время названо сейчас.

Что касается другого периода, названного «застоем», то тоже верно, только в нашей области его не было, по крайней мере, в 60-70-е годы. Свидетельством этому бурное развитие экономики и науки области, геологоразведка, мощное строительство. Все это под руководством компетентных, эрудированных, порядочных людей. Я их знал тогда и сейчас с некоторыми встречаюсь.

Есть их автографы, есть и редкие — первых советских космонавтов. Есть книга с дарственной надписью генерала Шатилова «Знамя над рейхстагом». Дивизия его, известно из истории, штурмовала немецкий рейхстаг.

Из больших русских писателей дорожу книгой с автографом Валентина Григорьевича Распутина «Сибирь, Сибирь...» Дарят книги и автографы современники. Среди этих книг ваши, Николай Васильевич, «Стезя», «Заветная страна». И вот сейчас Вы подписали мне новую книгу — «На закате солончаки багряные». Мне близко ваше творчество. Да и по возрасту мы почти ровесники. Еще назову книги тех, кому помогал в изданиях. Александра Мищенко, Веру Худякову, Элека Пахомова. Немало книг издали мы совместно с Аркадием Григорьевичем Елфимовым. О тобольской старине. Солидные, яркие тома. Елфимов и сейчас продолжает свои интересные проекты по истории Сибири.

Денисов: Знаю эти великолепные издания. Их значимость выходит за рамки краеведения.

Они имеют всероссийское, а то и европейское звучание.

Рябков: Да, и хорошо, что сейчас А.Г. Елфимова, его фонд «Возрождение Тобольска», которому 10 лет, поддерживает Администрация области, областная Дума.

Денисов: Не так давно в Тюмени проходила выставка известного художника Сергея Бочарова. Я бы сказал, эпатажная, резкая по современной тематике. Прошла она с большим успехом.

Рябков: Согласен, я знаком с художником, помогал ему в организации выставки, лично перетаскивал картины. В ходе ее видел впечатление многих тюменцев, их реакцию, отзывы. Он известен, прежде всего, как талантливый мастер — живописец, признанный в мире академик нескольких академий художеств. Он получал первые призы на самых престижных международных конкурсах, когда авторитетное жюри оценивало картины, не зная их авторов. Еще Сергей Бочаров интересен для меня тем, что и он происхождением из сибирских старообрядцев, очень упорный, независимый. Мы говорили с ним о многом. Он хорошо знает и помнит старину, и это сблизало нас... Ну, а эпатажность, его политическая позиция — его личное дело. Главное, что она глубоко патриотична, русская, народная. Я в политике правее и либеральнее его, мы спорили.

Денисов: Виктор Иванович, читатель уже понял из нашей беседы, что человек вы равнодушный к истории, к культуре нашего города, Сибири, нашего великого Тюменского края. Живем мы в многонациональном городе Тюмени. Первом русском городе Сибири. Как живем? Что вас волнует, что радует?

Рябков: Конечно, с возрастом равнодушнее к отдельным явлениям относиться. Интерес к общественной жизни и культуре утих, но не пропал. А вот к истории — возрастает. Когда помнишь город с начала 50-х годов, фактически после-

военный, а мальнишеская память хорошая, есть что вспомнить и сравнить. Безусловно, многое изменилось в родном городе нашем. В лучшую сторону. Внешне город преобразился. Дороги за последние годы появились хорошие, тротуары, много домов строится нестандартной архитектуры, обновляются фасады старых особняков и это результат частной инициативы. Все меняется на глазах. Это радует. К примеру, новая университетская библиотека, новый облик государственной филармонии. Есть что показать гостям города. Стали активней работать дворцы культуры. Посмотрите на «Строитель». Там же сегодня масса мероприятий для детей и взрослых, там дан приют городскому клубу ветеранов, который возглавляет мой земляк Костоломов В.Е. Рыночные отношения имеют положительное значение и в том смысле, что двери очагов культуры стали открытыми. И в будние дни, и в выходные, и в праздники. И молодежь, и старики туда идут.

И это не все. Вы только об одном художнике спросили. А я бываю на книжных базарах, выставках тюменских художников, на фотовыставках, что проводятся, например, в областной научной библиотеке. Конечно, это мероприятия по интересам. Но коль есть этот интерес, сходить у нас есть куда. Думаю, что наш город в этом плане выходит в число лидеров. Это показатель для всего нашего края.

Денисов: *В 2004-м году, который мы только что встретили, Тюменская область отмечает свой 60-летний юбилей. Властные структуры, общественность готовятся к этому событию. Это естественно. И город, конечно, не случайно так активно благоустраивается. Казаки наши тюменские еще несколько лет назад задумали установить памятник покорителю Сибири атаману Ермаку. Недалеко от берега Туры, где высадилась его дружина. Как вы считаете: нужен памятник Ермаку в Тюмени? Немало об этом разговоров...*

Рябков: Выскажу опять же свое личное мнение. Великолепный памятник покорителю Сибири Ермаку уже есть и установлен еще при царях в столице Сибири — Тобольске. Там Ермак завершил свои основные подвиги, открыл возможность мирного освоения Сибири и Востока. И естественно, и закономерно — на месте он там. На историческом. Памятник смотрится, одухотворяет душу гордостью за его создателей, он современен. Место у него удачное: на высоком обрыве холма. Его я считаю и тюменским, и всесибирским, и всероссийским памятником. Поэтому я спокоен, что у нас, в Тюмени его нет, хотя он имеет право быть. Всюду, во всех странах победителям, первопроходцам устанавливают памятники. А, даже самым известным личностям, но побежденным, как Наполеон — только барельефы, портреты, скульптурки, бюсты.

Проект памятника, что предложен для установки в Тюмени — спорный. Я считаю, что он должен нести первопродческую, а не военную направленность, это должен быть, прежде всего, образец искусства, украшающий наш город. Тогда национальный момент, и лоббирование, чтобы не устанавливать отойдут сами собой.

Денисов: *Согласен. Так что есть над чем подумать и поработать мастерам...*

Рябков: А что касается юбилея области, то это для меня значительное событие. Потому что юбилей совпадает с моим днем рождения, да и свой такой же юбилей близко. И мне приятно, я думаю и другим, где бы ни были, называть себя тюменцами. Область наша прославлена в России и в мире. Освоение ее Севера и Юга происходило на наших глазах, с участием нас — коренных жителей, позволило нам учиться, гарантировало работой, возможностью культурного развития. Поэтому к юбилею области я отношусь, как к празднику.

Аввакум

Скульптор Федор Викулов. Гипс

Тюмень — не Самарканд

Договоримся сразу: «мусульмане — полноценная, полнокровная и неотъемлемая часть народа России». Вряд ли кто-то сегодня станет оспаривать эти слова президента.

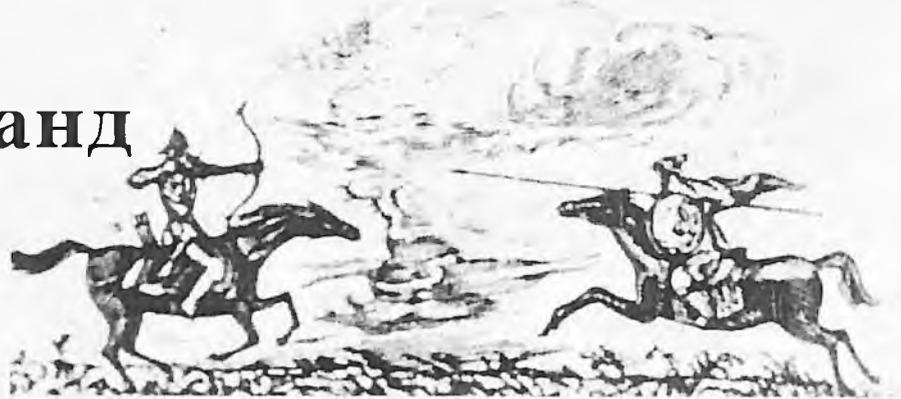
С тех пор, как Тюменское отделение межрегионального общественного движения в защиту православной нравственности постаралось вникнуть в суть одного лишь вопроса, связанного с объявленным в Тюмени строительством мечети по ул. Мельникайте в районе компактного проживания русских, нам открылась ужасающая картина пренебрежения безопасностью граждан со стороны властей, если не прямого предательства интересов государства.

Вначале услышали, что планирует строительство не просто мечети, а «крупнейшего в Сибири комплекса, включающего административные здания и исламские учебные заведения», что строить ее собирается Центральное Духовное Управление Мусульман (ЦДУМ) под руководством И. Зиганшина, зарегистрированное в Тюмени недавно, объединяющее в области всего 2 общины. Что местная организация Духовного Управления Мусульман под руководством Г. Бикмуллина к строительству второй соборной мечети в городе относится отрицательно и это противоречит самим канонам ислама. Что организации между собой, мягко говоря, не находят общего языка. А тут еще появляется в Интернете заявление И. Зиганшина о том что в Тюменской области больше восьмидесяти мусульманских общин и все под влиянием ваххабитов и, что в Тюменской области 70% мечетей построены на арабские деньги.

Возник законный вопрос: в Тюмени действуют две параллельные мусульманские структуры, противостоящие друг другу, а власть этого не замечает?

Тут надо отметить, что несмотря на муссирование в СМИ темы строительства мечети, позиция властей в тот период никак не была обозначена. Повсюду звучало имя только зам. председателя областной думы Г. Корепанова, покровительствующего этой стройке.

Тогда мы и обратились во властные структуры с обеспокоенностью по этому вопросу и законным недоумением, почему никто не согласовывает вопрос строительства мечети с населением города, предложили провести референдум по этому поводу. Материалы одновременно были переданы в «Тюменскую прав-

ду». Однако, при всей создаваемой в обществе видимости демократии и независимости СМИ, тема, затронутая нами, оказалась запретной.

Пока ожидали ответ из администрации попытались посмотреть на вопрос шире. Ясно было одно: в России, где вдруг стало не хватать денег ни на какие социальные программы, мечети растут как грибы. Нас интересовало, что заставляет арабов вкладывать деньги в русский ислам?!

Вот что пишут о своем понимании ислама и о мечетях, в частности, авторитетные исламские лидеры. Айтиола Хомейни («Путь к свободе». Изд. «Палея», Москва. 1999 г. С. 214—215):

«Никто не должен предполагать, что ислам похож на другие религии, существующие сегодня. Эти религии, особенно христианство, в которых нет ничего, кроме моральных кодексов, не имеют программ, касающихся политики и управления странами. Наверное, в свое время они были, но теперь их нет. Ислам заложил основы жизни человека, даже еще не родившегося. Он заложил социальные основы семьи, создал предписания для того времени, когда человек живет в семье, когда он начинает учиться, когда он входит в общество, вплоть до его отношений с другими странами, с другими правительствами, с другими нациями. Христиане не должны представлять себе ислам, похожий на христианство или мечеть, похожей на церковь. Когда намаз совершается в мечети, то там распределяются обязанности, решаются вопросы войны, планируется управление страной. Мечеть не похожа на церковь. Церковь олицетворяет личное отношение между людьми и всемогущим Богом, а мусульманская мечеть во времена посланника Бога и во времена халифов — какими бы они ни были — являлась средоточием политики ислама».

А вот что говорит нынешний лидер Турции Эрдоган; «Мечети — наши казармы, минареты — наши штыки, купола — наши каски, верующие — наши солдаты» (газета «Коммерсант», 12 марта 2003 г.).

Эти же цитаты приводит русский патриот Е. Александров (газета «Время» № 15 от 10.04.03 г.), где он ставит вопрос прямо: «Кто разрешил строить мечети на русских землях, где русские в подавляющем большинстве? Вы скажете, что у нас все религии равны. Но такого нет и не должно быть ни в одном государстве мира. Равенство не есть тождество. Но религии не равны не только исторически и никогда не могут быть равны по своей сущности. Например, ислам только очень условно можно назвать религией, фактически это форма организации общества...» И делает вывод:

«Ислам не будет представлять опасности только в одном случае, если он будет российским, без иностранного влияния и стационарным, т.е. в пределах районов старого ислама. Разрешение властей на строительство мечетей вне этих районов есть разрушение стационарности ислама, перевод его в атакующий исламизм».

Выводы такие: в исламизации России действительно заинтересованы зарубежные государства и корень этой заинтересованности — религиозной с далекими от какой-либо толерантности устремлениями. Эти исламские государства имеют расчет на то, что они будут поняты адептами своей религии в России и вкладывают деньги, в том числе, и на строительство мечетей, с полным пониманием во что они их вкладывают. С другой стороны, есть российские мусульмане, которые эти деньги берут и, надо полагать, что-то при этом обещают своим благодетелям. И есть государственный аппарат, который закрывает на все это глаза.

В интервью с известным политическим обозревателем А. Полозовым Г. Корепанов, имеющий двадцатилетний опыт работы в сфере национальных межконфессиональных отношений, обронил любопытное замечание: «Причиной всех разладов в мусульманской среде я вижу конфликт за распределение помощи религиозным общинам, в том числе из-за рубежа». Чиновники госаппарата, как видим, в курсе. А мы-то считаем, что по-

лучение денег из-за рубежа незаконно, к чему-то обязывает и подрывает безопасность государства!

Между тем, ответ администрации нас поразил: «Мы не можем согласиться с Вами, что факт строительства мечети дестабилизирует межконфессиональные и межнациональные отношения. Наоборот, идею строительства мечети поддержали не только верующие мусульмане, но и руководители национальных общественных объединений».

Да, мы знаем: поддержали казахи, азербайджанцы, ингуши, киргизы, дагестанцы, узбеки, туркмены, и даже представители вайнахского народа (Чечня). Видимо, их мнение для администрации важнее, чтобы пренебречь официальным протестом членов областного Общества русской культуры, ответить которому она не сочла нужным.

Глухая стена непонимания и никакого «разделения обеспокоенности, складывающейся ситуацией в исламском сообществе». Хотя нас-то больше волнует ситуация непосредственно в нашем обществе, а в дела мусульман мы вмешиваться и не собираемся.

А в нашем обществе к власти рвется на федеральном уровне исламская партия М. Раджабова; процессы миграции идут бесконтрольно; из сферы торговли, строительства, транспортных услуг, и даже — правоохранительных органов, русских все активнее вытесняют лица кавказских национальностей. Чувствуют они себя безнаказанно: на улице Тульской в 5 вечера насилуют русских женщин, на Солнечном рынке рэкетнируют русских мужичков (попробовали бы русские так себя вести на их территории!). А работники госаппарата за взятки выдают им паспорта с российским гражданством. (Информации об этом немало в прессе, на телеэкране!)

Второе письмо от имени нашей организации было отправлено по тем же адресам 6 ноября 2003 г. К нему было приложено 220 подписей жителей ул. Мельникайте с протестом против

строительства в их районе мечети. Ответа на этот раз вообще никакого — в нарушение всякой законности. Зато узнаем: 18 декабря в Тюмени состоялась пресс-конференция начальника регионального управления ФСБ России по Тюменской области Александра Вяткина с агентствами «Тюменская линия» и «Интерфакс-Урал», где он сообщает, что в регионе выявлена деятельность ячейки международной экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир». В ряде городов Тюменской области проведены обыски, изъята литература и видеокассеты этой организации. Возбуждено уголовное дело против ее вдохновителей. Они призывали создать на территории России и Центральной Азии единое исламское государство и проповедовать единую мусульманскую религию. Что-то нам показалось в этой идее общего с задачами, возложенными на задуманную Соборную мечеть по ул. Мельникайте:

«Соборная мечеть — это не просто главная мечеть области. Это еще и координационная структура, призванная... объединить не только мусульман юга области, но и севера (ТИ.20.6.63)».

Объединить мусульман против кого?!

Однако работники областного Департамента национальных отношений считают, что «вопросы вероисповедания требуют от каждого из нас деликатного подхода при их разрешении». Мы поняли одно: такой подход не касается нас — русских и православных. В октябре мэром города С. Киричук уже обещал открыть в ближайшее время три мечети. Он забыл, видимо, что Тюмень не Самарканд и мы, русские, не позволим пренебрегать нашими интересами, связанными с элементарным, здравым спокойствием за нашу общую с администрацией и коренными мусульманами безопасность.

Неужели наши аргументы не убедительны:

1. Идет война в Чечне, куда выез-

жают класть свои головы наши земляки. Или вы только и можете, что сажать елочки по погибшим!?

2. Экстремистская деятельность международных исламских организаций присутствует в регионе. Вы не могли не знать об этом, когда сочиняли нам свою отписку.

3. До сих пор Тюмень не достигла исторического дореволюционного соотношения, когда была одна мечеть и 20 православных храмов.

4. Коренные мусульмане не ведут никакой работы по разъяснению пагубности идей атакующего исламизма и более того, — подрывают государственность России неуместными призывами к объединению или экстремистскими выпадами вроде запрета установить памятник Ермаку, присоединившему Сибирь к Российскому государству. Осталась ли в них вообще любовь к России, которую и русский, и татарин совсем недавно вместе защищали от фашизма?!

Давайте построим сначала твердый мир, и тогда будут в нем и храмы, и мечети. Наша администрация, видимо, давно живет в таком виртуальном мире, а мы, русские, в реальной жизни все больше и больше испытываем неудобств от беспардонного соседства с мигрантами. Это от них в России наркотики, СПИД и преступность. И еще один аспект — демографический: за 1989—2002 годы в России родилось 20 миллионов, умерло 28, русских эмигрантов — 5,5 млн., кавказских иммигрантов 11 млн. У мусульман аборт запрещен до сих пор под страхом смерти. Вопрос: сколько из 20 млн. родившихся родилось от русских и сколько от иммигрантов? Ответ: 11 — от иммигрантов, а 9 от русских и... российских мусульман. А точно никто не скажет: в предварительных итогах переписи нет разбивки по национальному составу родившихся. Государственная тайна, видимо.

И мы, русские, вымираем благодаря совершенно искусственной, засекреченной, плановой, кем-то хорошо просчитанной депопуляции русского населения. Основной метод уничтожения — аборт. По 8 млн. в год! За 12 лет 100 млн. было убито! (Цифры заимствованы из статьи «Депопуляция», «Литературная газета», 10.9.03 г.)

В настоящее время в Тюмени создан Координационный совет в защиту прав русского народа, куда вошли представители нашей организации, Общества русской культуры и многих других.

Тюмень не Самарканд и Самаркандом не будет.

Татьяна Гуськова,
председатель Тюменского
регионального отделения
общественного движения
в защиту православной
нравственности.

Предпочтение — русской классике...

С заслуженным артистом России и Казахстана Сергеем Кутьминым беседует заместитель председателя Тюменского областного общества русской культуры Сергей Ильин

С. Ильин. Сергей Прокопьевич, в одном из радиоинтервью председатель Тюменского союза театральных деятелей Владимир Орел, отвечая на вопрос о новом театральном сезоне в городе Тюмени, посетовал на то, что театр драмы и комедии ослаблен отсутствием такого мастера как заслуженный артист РФ и Казахстана Сергей Кутьмин... Почему вы ушли из театра?

С. Кутьмин. Из театра я ушел добровольно, сознательно. Вдруг почувствовал, что я просто не нужен. Уже больше десяти лет преподаю в институте культуры. Здесь я нужен. Студентам. А в театр иногда захожу, редко, правда. Актеры на меня смотрят и ждут, когда у меня в глазах появится тоска по сцене... Но я как бы исчез, как бы растворился. Только фотография осталась на стене. А чего она там висит — не знаю. Как памятник, что ли. В этом году отмечали юбилей — 145-летие Тюменского театра, но меня не пригласили.

С. Ильин. Участвуя в юбилейном концерте поэта Николая Денисова, я встретился с известной в Тюмени театральной парой Ириной и Сергеем Кузиными, которые как и вы занимаются сейчас педагогической деятельностью, и узнал, что они уже восьмой год вне Тюменского театра кукол и масок, которому отдали многие годы. Причем, после ухода Ирины Кузиной, там не осталось ни одного заслуженного артиста, не говоря о том, что не используется опыт Сергея Кузина как режиссера — постановщика детских спектаклей. А ведь в Тюмени за это время не появился режиссер такого масштаба. Что же происходит в театральной Тюмени сегодня?

С. Кутьмин. Сложилось так, что творчество само по себе отошло на второй план. Сейчас время директоров.

С. Ильин. Что значит «время директоров»?

С. Кутьмин. Решает директор — кого держать, кого приглашать, что ставить и кому платить. Вот такая административная система, которая меня лично раздражает. Во главу надо ставить творчество актера, а сейчас всякие экономические системы, структуры, погоня за деньгами, экономические эксперименты. Почему актер должен считать какие-то баллы, проценты? Актера это должно меньше всего интересовать. Когда он начинает в этом ковыряться, он теряет что-то в

самом понимании театра. Мне и в Москве не все нравится — сейчас там нечего смотреть. И в Москве, и в Питере много просто ширпотреба. В провинции в этом отношении почестнее, почище. Нужен сильный художественный руководитель, интересный режиссер.

С. Ильин. Сергей Прокопьевич, как вы стали актером Тюменского театра?

С. Кутьмин. Родился я на Дальнем Востоке — в городе Амурске Хабаровского края в 1947 году. Учился в культпросветучилище, не закончил. Показалось, что это не интересное образование. Пошел в армию. Служил в танковых войсках. Наводчик. Потом попал в ансамбль песни и пляски армии. После демобилизации вернулся в Амурск, работал художественным руководителем Дворца культуры. Мечтал о трех профессиях: артист, врач или педагог. Врачом не пришлось стать, благодаря же актерской деятельности, позже стал и педагогом. Решил поступать в театральный институт. Поехал в Москву. Доехал только до родственников в Омске, не хватило денег дальше ехать. Попалась на глаза газета «Культура» с сообщением об открытии в Тюмени филиала Свердловского театрального училища при театре драмы, набирается курс на актерское отделение. Поехал в Тюмень.

С. Ильин. Какой это был год? И какое впечатление произвела на вас Тюмень в то время?

С. Кутьмин. Это был 1970 год. Тогдашняя Тюмень меня откровенно «напугала»: страшный маленький вокзальчик, пыль с обрывками газет в лицо, деревянный дом культуры железнодорожников и деревянный мост через речку рядом. Думаю, куда я попал после Омска? Дошел до горсада и спрашиваю: «А где театр?». А мне отвечают: «А вы прошли его». Вернулся назад. Смотрю — толпа молодых людей стоит около театра. Набирают актерский курс. Меня взяли со 2 тура, потому как я был уже после армии. Учился у заслуженного деятеля искусств РСФСР Евгения Анатольевича Плавинского. Закончил в 1974-м: уже как Тюменское училище искусств. За год до выпуска училище получило лицензию, и мы были первыми выпускниками...

У нас были замечательные педагоги. После окончания меня в театре не оставили. Поехал по провинции: Вольск, Целиноград, Семипалатинск.

Я мало ездил, поскольку из тех актеров, которые мало «болтались» по стране. В Целинограде был замечательный режиссер и педагог, ученик известного московского режиссера Гончарова — Виктор Николаевич Трегубенко. Я могу назвать его своим духовным наставником. Затем я работал в Семипалатинске, где и получил звание «Заслуженный артист Казахской ССР». А дальше... предчувствуя, что в стране грядут перемены, я написал письмо в Тюмень, решил вернуться на Родину, тем более, что жена моя — Наталья Манчурава, тоже актриса, родом из Ишима, местная. Тогда режиссером Тюменского театра был А. М. Цодиков, блестящий режиссер. Он откликнулся на наше письмо и пригласил к себе. Мы в 1987 году вернулись из Казахстана в Тюмень, где через 10 лет я получил звание заслуженного артиста РФ. Мне очень жаль, что Александр Михайлович Цодиков уехал из Тюмени в 1991. Он, кстати, и определил меня в педагоги. Сейчас работаю на двух кафедрах института культуры.

С. Ильин. С точки зрения актерских работ, где было интереснее?

С. Кутьмин. Так сложилось, что все лучшее, актерское, было в Казахстане. Тогда, во время перестройки, получить звание «Заслуженный артист Казахской ССР», не будучи казахом, было очень сложно. У меня были роли и репертуар, которым я могу гордиться. Здесь тоже были роли, но особенного удовлетворения не получил. А Целиноград сейчас переименовали в г. Астану — это теперь столица Казахстана. Там драматический театр им. Горького, а в Семипалатинске театр назван в честь Достоевского, он там был в ссылке недолго. В этих театрах я и прослужил по семь лет.

Раньше проблем было меньше. Можно было устроиться через биржу в Москве. Правда, у меня был «горький» опыт... Один раз более 20 дней провел на этой бирже — никто не брал. Подходит режиссер из г. Вольска и говорит: «Да что ж такое! Стоит хороший артист. И никто его не берет». За меня начал переживать. Я стоял — лысый, задрипанный, рост 1м 71см. — Никто не берет. Ужасно зажат, перепуган. За 25 дней чуть там не спился от горя. Поначалу мне всегда было непросто с режиссерами. Приезжает режиссер ставить спектакль, главный предлагает ему взять меня, а по его глазам читаю: «Что-то я не хочу его брать. Какой-то он не такой». Я это чувствовал

страшно. У меня всегда возникал протест и желание доказать, сделать роль самому. И в результате я своего добивался, а к концу работы, после премьеры, режиссер подходил ко мне, обнимал, целовал, был счастлив, что встретился со мной. В силу своей работоспособности, я добивался своего. Виктор Николаевич Трегубенко, мой ангел-хранитель, дал мне мощную школу. Он говорил: «Актёр всегда обязан сделать роль сам. Режиссеры тоже разные бывают: талантливые, бездарные...» Я всегда очень много работал над ролью. Слушал режиссера, стараясь доверять ему. Я очень дисциплинированный артист, неконфликтный. Хотя начальников не люблю, если честно.

С. Ильин. С тюменскими режиссерами, похоже, вам везло не очень?

С. Кутьмин. У Плавинского я играл еще будучи студентом 2 курса. После окончания училища наши пути разошлись. Когда я вернулся в Тюменский театр, Плавинского уже не было. В свое время, работая в Казахстане, я писал ему письмо с просьбой устроить в театр, но он мне ответил, что мест нет. У нас были натянутые отношения. Человек он очень сложный по характеру, хотя он сказал мне: «Сережа, твои шансы будут расти с возрастом. Станешь заслуженным артистом — перестанешь со мной здороваться...» А на моем юбилее — мне уже 50 лет было — я говорю: «Евгений Анатольевич, вы говорили, что став заслуженным артистом, я перестану с Вами здороваться... Здравствуйтесь, Евгений Анатольевич, здравствуйтесь, Евгений Анатольевич...». Два раза повторил эту фразу, пытаюсь расколоть его, но... Из режиссеров вспоминаю только А. М. Цодикова, у которого была удивительная энергетика. У теперешнего главного режиссера Ларичева у меня были две, более-менее, приличные роли... Из приезжих запомнились питерские режиссеры Игорь Ларин и безвременно ушедший из жизни Александр Воробьев. Спектакли последнего «Мирандолина» и «Одержимая любовью» долгое время успешно шли на тюменской сцене. Ларинский спектакль по А. Островскому «Лес» был неудачным, его сняли с репертуара более 8 лет назад...

С. Ильин. Тот спектакль по пьесе А. Островского «Лес» был откровенно непонятен зрителю, от А. Островского там практически ничего не осталось. Единственное, что мне запомнилось, это ваше общение с залом.

С. Кутьмин. Спектакль «Лес», конечно, там абсурд на абсурд, ни то ни се, «наколбасили», хотя довольно смешно. Я сыграл Несчастливцева. Это не моя роль совершенно. Какой я трагик? А вот роль Аркашки Счастли-

цева я играл в Казахстане, это была одна из моих любимых ролей.

С. Ильин. Я вот смотрел этот спектакль и думал, зачем они «издеваются» над Островским. Захотелось авангарда — возьмите какую-нибудь современную авторскую пьесу и «колбасьте», как вы выразились, сколько душе угодно. А ведь тут классика... Она требует осторожного обращения. Или я не прав?

С. Кутьмин. Самое интересное, когда со студентами работаешь и делаешь пробы, я всегда стараюсь брать русскую классику: А. Чехов, И. Бунин и др. русская литература — кладезь, там столько заложено в тексте. В тех же рассказах А. Чехова можно столько придумать чисто актерски и режиссерски. Я всегда предпочтение отдаю русской классике, потому что у нас, как писал С. Есенин: «... пусть у нас холод, голод, но зато у нас есть душа...». Чтобы разобраться в зарубежной классике, чтобы понять про что это — надо жить там. Я помню, мы ставили французскую пьесу и поехали с ней на гастроли в Питер. После спектакля подошла одна старушка и говорит: «Что вы там ставите в Сибири французскую пьесу?! Вы даже представления не имеете, что это такое. Вы же из Сибири. Так и везите свое, родное. У нас в Питере не могут «Францию» поставить, а вы везете...». Русский театр всегда развивался и развивается по своим законам. Репертуарного театра нигде в мире нет. Только у нас. Для нас, жителей Сибири, важна, прежде всего, духовная культура. Я сам смотрю по телевизору спортивные программы. Физическое развитие важно, но впереди все равно должно быть духовное. Мы не можем существовать без очагов культуры, которые сейчас на вес золота! В филармонию приезжают и уезжают, а своя театральная труппа нужна, но сейчас же оптимизация привела к резкому сокращению в эстетических центрах, музыкальных школах, студиях, училищах. Раньше не было проблем с устройством ребенка в эстетический центр, художественную или музыкальную школу, а сейчас это все исчезает. Оптимизируют. Может, и театры прикроют. Будут приезжать московские антрепризы и все. Это в Москве могут с ума сходить — больше 300 профессиональных театров. Им зарабатывать надо. А где? Приезжать, в том числе, в Тюмень, которая как большая деревня принимает всех подряд. А свои актеры не востребованы.

Я люблю хорошую пьесу, хороший материал. Я всегда цепляюсь за это. За 30 лет у меня было 3—4 спектакля, которыми горжусь, а все остальное — стараемся быть на уровне режиссерского замысла. Поэтому я всегда был как бы на плаву. А энергетика — это

Заслуженный артист России и Казахстана Сергей Кутьмин.

великая вещь. Работая со студентами, замечаешь: один просто молчит, а другой и говорит и пытается понравиться, а ничего не происходит... Это природа. Здесь трудно сказать — это приобретенное или что... Один режиссер как-то мне сказал, что у вас удивительная способность играть и в то же время наблюдать за собой — как бы со стороны, на то, что происходит на сцене.

С. Ильин. Вот этому умению посмотреть на себя со стороны и надо учиться. Отстраненность — ради самооздоровления души. Как Гоголь говорил: «Посмотри на себя со стороны, ужаснись, покайся и очисти душу свою». А как душу очищать? «Смехом ложь изгоняя прочь», — как говорил поэт. Через самоиронию приходит к душевной гармонии. Это одна из традиций русской классической литературы, всей русской культуры.

Может быть, надо находить новые формы общения и с русской литературой и со зрителями? Скажем, через литературные гостиные, уроки-спектакли, чтецкие программы. Вот такое прямое, активное общение с залом, взаимный обмен энергетикой...

Я хочу пожелать вам, Сергей Прокопьевич, в новом 2004 году больше душевной теплоты, интересного творческого материала, чувства актерской, педагогической востребованности.

С. Кутьмин. Спасибо. И я желаю, чтобы «Тюмень литературная» развивалась на благо русской культуры. Начиная с предложения о создании литературной гостиной, мне кажется, кафедра режиссуры и актерского мастерства Тюменского института культуры с удовольствием поддержит эту идею. Пусть этот год будет — годом нашего сотрудничества.

РУСЬ — ЗЕМЛЯ ЖАР-ПТИЦЫ

Сергей ЕСЕНИН

* * *

*Ой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.*

*Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.*

*Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.*

*Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.*

1914

Николай РУБЦОВ

Утро

*Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь во дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверно, другую...*

Глеб ГОРБОВСКИЙ

* * *

*Идут в Россию поезда,
в ее глубины и туманы.
Как хорошо, что есть куда
Податься хмурому Ивану.*

*Не на тщедушный выходной,
не на занудную «природу»,
а на отшиб земли родной,
где меньше хитрого народу.*

*А там — затеплить костерок,
развесить ржавые портянки
и под осенний ветерок
открыть последние «полбанки».*

1997

Николай ДЕНИСОВ

Без посвящения

*Не надейся, я не спился
И ума не растерял —
Я трудился, не ленился,
С кем попало не клялся.*

*Был оседлым и бездомным —
Всяко по свету вело —
Может, был
излишне скромным,
Наглым больше повезло.*

*Но имел свою задумку,
И она смогла помочь...
Что закис-то?
Дернем рюмку —
И катись отсюда прочь.*

1985

Владимир ВОЛКОВЕЦ

* * *

*— Вы рабы и ваше место на погосте,
Не поднять Россию нищую вовек, —
Говорил, слюною брызгая от злости,
Иудейно убежденный человек.
Он плевать хотел на русские святыни,
За границу бы ему и все дела.
— Мать-Россия, для чего такого сына
Ты кормила, согревала, берегла?..*

г. Советский

Юрий КУЗНЕЦОВ

Тегеранские сны

*Вдали от северных развалин
Синь тегеранская горит.
— Какая встреча,
маршал Сталин! —
Лукавый Черчилль говорит.*

*Я верю в добрые приметы —
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем планеты
Меня назначили во сне!*

*Конечно, это возвышенье
Прошу не принимать всерьез...
Какое, право, совпадение! —
С улыбкой Рузвельт произнес.*

*В знак нашей встречи
незабвенной
Сегодня сон приснился мне.
Руководителем вселенной
Меня назначили во сне!*

*Раздумаем Сталин не смутился,
Неспешно трубку раскурил:
Мне тоже сон сегодня снился.
Я никого не утвердил!*

Алексей РЕШЕТОВ

* * *

*Я был пацаном голопятым,
Но память навек сберегла.
Какая у нас в сорок пятом
Большая Победа была.*

*Какие стояли денечки,
Когда, без вина веселя,
Пластинкой о синем платочке
Вращалась родная земля.*

1975

Николай РАЧКОВ

* * *

*«Где Жуков,
где ваш Пересвет
И где Ослябя?
Ослабла Русь, в ней мощи нет,
Она ослабла!..» —*

*И эти вопиют, и те,
Метая мины,
И в нагоде, и в клевете
Неутомимы.*

*Нас достают копьем, конем,
Ища наживы.
Но срок придет: мы развернем
Свои дружины.*

*И гром подков на новый лад
Раздастся снова.
И будет вам и Сталинград,
и Куликово.*

*Запомни, суперпеченег,
Запомни очень:
Еще не кончен русский век,
Еще не кончен.*

г. Тосно.

Владимир ТОПОРОВ

* * *

Каким будет завтра —
вопрос нерешенный.
Сегодня ж несладко нам здесь:
Один оглашенный,
другой — огушенный,
Но что-то в нас все-таки есть.

Здесь пули прицельной
зубительна трасса,
И ворон по песням кружит.
Но, ждя своего сокровенного часа,
Здесь тяга земная лежит.

2000

Светлана СОЛОВЬЕВА

* * *

Было три окна в избе моей,
Большого простой душе не надо:
Бог-отец, Бог-сын и Дух Святой.
И еще свет памяти — лампада.
Зажигала бабушка ее,
В незаметных жилках
Медь гудела.

Улетала я в небытие
Так легко, не ощущая тела.
За моей спиной стоял Господь,
Чьи дороги неисповедимы...
Знаю я — пока мы триедины,
Не сманить нас и не обороть.

г. Тобольск.

Иеромонах РОМАН

* * *

Зело богат. Не звяканьем в кармане.
В душе моей иному место есть.
Украинцы, сябры и молдаване,
Грузины, греки — всех не перечесть.

Татары и калмыки, и евреи,
И чувашки, и сербы, наконец.
В любом краю, как дома обогреюсь,
В любом краю я — брат или отец.

Родство по духу не поет в угоду,
Земля Господня всюду хороша.
Моя душа вмещает все народы:
На то она и русская душа.

2001

Сергей АБРАМОВ

* * *

Сколько о России не допето,
Сколько неотмоленных могил?...
Говорят, что близ кончина света...
Лучше б Бог об этом позабыл.

Да простит Господь мне
неразумность.
Честь — за Русь Святую умереть!
Родина — она уже проснулась,
Чтобы песни древние допеть.

2003

г. Сургут

Ивану Михайловичу Ермакову — 80 лет

Замечательному сибирскому писателю, талантливому, само-бытному сыну Тюменской земли Ивану Ермакову, живи и радуй он нас своими произведениями, в январе с. г. исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Ровно тридцать лет назад он ушел от нас в расцвете сил и таланта. Но мы, земляки, читатели и почитатели Ивана Михайловича, помним и чтим его как человека и как творца ярких сказов, звонких документальных повестей и очерков.

Он был и остался выразителем русского духа, звонкоголосым, неповторимым мастером художественного слова.

Публикуем небольшой отрывок из сказа И. Ермакова «Кузнецы».

Кузнецы

Веселое заведение — кузница! Веселое и дозарезу необходимое. Поищи-ка такую деревню, где не дымила бы, не искрила бы она, кузница, малая индустрия державы, крохотные уралы, разбросанные на тысячи километров окрест по колхозно-совхозной земле?!

Был бы металл да уголек, нашлась бы бычья кожа для меха да звонкая наковальня — и железная лечебница будет. Без нее сироты. Без нее захромает конь, рассыплется телега, изоржавеет плуг, без нее сам «дядюшка» трактор пардону запросит. Трудно перечислить все беды-злосчастия, угрожающие деревне, не стой там на отшибе прокопченная амбарушка, созывающая к себе бойким заутренним звоном народ честной.

Пронзительно голосит забияка-молоток, басит пудовая матушка-кувалда, взбивает прострельную искорку горн, кряхтит и плющится жаркая поковка, а посреди этого огненного бой-дела, — Он, мастер. Умелец. Работяга-кузнец, чей инструмент-молот пролег с угла на угол по державному гербу Родины.

Слышал я про один иноземный обычай, по которому путь героя усыпается лепестками роз. Познакомившись с кузнецом Кузурманьчем, я задумался: не драгоценнее ли и не щедрее ли наш советский обычай, при котором путь — нет, не героя — просто честного, мастеровитого человека украшают добрые мастеровитые же слова. Розы вянут, доброе слово из неподкупных уст народа труженика не отцветает. Это о нем, о Кузурманьче, записал я неофициальные живые речения, почти в пословицы скованные, сиюминутную молвь:

«Конь сам ему копыто протягивает».

«Седьмой разряд... Ежа без чертежа может...»

«К святому дню кулич откует».

Вот так в словесности... Густо, щедро, с «наваром», присадисто! Тоже — ежа без чертежа...

* * *

У меня материал — слово.

Несогретое в горне души, оно — как холодное железо: шершавое, упрямое, неподатливое, не тронь холодное — один звон.

Но, если вдруг... слово засветится, если почувствуешь, что оно горячее, обжигается — не медли! Укладывай его скорее на «наковальню» и бей, заострай, закаливай, доводи!

Если ты отковал лом, даже лом, — опробуй, по Кузырманьчу, дробит ли он кирпичи, не мнется ли у него «жало», не годен ли он колоть лед, долбить мерзлоту?

Вырастил розу — просмотри лепестки: не затаилась ли в них тля?

Дерешь большие зубы — не оставляй гнилого корня и... береги здоровые.

А если не получается, брось немудрящий свой инструмент и беги... Народ незлобливо скажет в твой след: «Совестится. Удара у него еще настоящего нет».

А совеститься, брат, надо. Не то поднесут тебе трудовые мозолистые руки моток, клещи ли, под самодовольные ноздри и уже не тенорком, а доподлинным басом скажут: «Куда целишь, тетеря!»

...Учите, учите меня, кузнецы! Куда бить. Во что целить. Как горячим выхватывать слово из «горна»...

Всеволод Федорович
РУДНЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

К 100-летию подвига крейсера «Варяг»

На рубеже XIX—XX веков Дальний Восток стал ареной ожесточенной борьбы крупных держав за раздел территорий и господство на Тихом океане. Естественно, Япония не хотела усиления России и развернула подготовку к войне. Русское военное командование внимательно следило за действиями японского флота.

...28 декабря 1903 года по приказу начальника эскадры Тихого океана из Порт-Артура в нейтральный порт Чемульпо с секретной миссией состоять в распоряжении посланника в Сеуле, наблюдать за действиями японцев в этой гавани был направлен крейсер «Варяг». Это был лучший военный корабль того времени. Его водоизмещение составляло 6500 тонн.

Двенадцать 152-миллиметровых и столько же 75-миллиметровых орудий, десять мелких пушек, два пулемета, шесть торпедных аппаратов — составляли его вооружение. Две паровые машины мощностью по 15 тысяч лошадиных сил позволяли ему развивать скорость до 24-х узлов. Экипаж крейсера состоял из 537 человек.

Командовал крейсером капитан первого ранга Всеволод Федорович Руднев — потомственный моряк с большим опытом. Стаж его службы на флоте составлял 30 лет.

Обстановка в Чемульпо была неспокойной. На «Варяг» ежедневно поступали сведения об активизации японских военных сил. Связь с Порт-Артуром осуществлялась с помощью телеграфа и небольших судов. С этой целью в Чемульпо приходит канонерская лодка «Кореец», которой командовал капитан 2-го ранга Григорий Павлович Беляев.

Появились слухи о разрыве дипломатических отношений между Японией и Россией. Официального подтверждения этому Руднев не получил. Но время на возвращение крейсера «Варяг» в Порт-Артур все же было упущено. Руднев не мог знать, что 24 января 1904 года в день разрыва дипломатических отношений японская эскадра под командованием контр-адмирала Урпу направилась в Чемульпо, а главные силы японского флота вышли к Порт-Артуру. Пока капитан «Варяга» добивался от посланника в Сеуле разрешения на выход в Порт-Артур японская эскадра блокировала порт. Ультиматум Урпу был краток: русские корабли должны покинуть Чемульпо, либо будут расстреляны на рейде.

Положение «Варяга» осложнялось

тем, что рядом с ним в порту стояли еще несколько иностранных кораблей: французский крейсер «Паскаль», английский «Толбот», итальянский «Эльба» и американская канонерская лодка «Виксбург». То, что порт нейтральный, мало смущало японского адмирала. Командиры иностранных кораблей прекрасно понимали, что в случае начала боевых действий в самом порту, пострадают и они. И вот капитаны всех кораблей, стоящих в гавани, собрались на совещание у Руднева. «У меня нет выбора», — сказал командир «Варяга». — Сделаю попытку прорваться и приму бой. Сдаваться либо сражаться на нейтральном рейде не буду!»

Капитаны преклонились перед честью и мужеством русского офицера, они понимали, что Руднев идет на верную смерть. Слишком неравны были силы.

Узнав о решении Руднева, японский адмирал послал ответ: «Ввиду решения, принятого храбрым русским командиром, всякие переговоры излишни».

Руднев собрал своих офицеров и объявил о начале боевых действий. Затем на палубе были построены матросы, перед которыми их командир объявил свое решение принять бой. Он не утаил вероятные последствия этого боя. Но моряки восприняли речь командира с энтузиазмом, они ему верили.

В 11 часов 20 минут «Варяг» и «Кореец» снялись с якорей и направились к выходу из бухты, где их ждала в боевой готовности японская эскадра. Адмирал Урпу предложил сигналом — сдать русскому кораблю. Но командир «Варяга» не ответил на унижительное предложение. И тогда в 11 часов 45 минут с крейсера «Асама» грянул первый выстрел, после чего все японские корабли открыли огонь.

«Варяг» открыл ответный огонь. «Кореец» же фактически участие в бою не принимал, снаряды его пушек до неприятеля не долетали.

Ровно час длилась артиллерийская дуэль. «Варяг» сражался в одиночку против 14 японских кораблей, на борту которых было 180 стволов пушек и 34 минных аппарата. На русском крейсере было соответственно орудий — 34, минных аппаратов — 6. Японцев боевая мощь имела шестикратное превосходство. О прорыве уже не могло быть речи, поэтому моряки «Варяга» горели одним желанием: нанести как можно больше ущерба врагу. И вот

он радостный момент! От меткого выстрела крейсер «Асама» потряс сильный взрыв, начался большой пожар; убит командир и гордость японской эскадры выходит из боя. А ведь он превосходил «Варяга» и по водоизмещению и по количеству артиллерийских стволов в полтора раза. Боевая мощь «Варяга» переносится на другие вражеские корабли. На них то и дело вспыхивают пожары. С большим креном покидает строй, окутанный дымом, новый крейсер. Получили большие повреждения другие корабли. Один из них, миноносец, пошел ко дну. Три крейсера выведены из строя, один из них настолько серьезно, что по пути в свой порт он затонул. Японцы потеряли убитыми 30 человек.

В течение часового боя с «Варяга» по врагу было выпущено 1105 снарядов. Но и сам русский крейсер был поврежден настолько, что вынужден был, с трудом маневрируя под огнем противника и отстреливаясь, возвратиться в порт на место прежней стоянки.

Руднев отступил на рейд в надежде исправить повреждения и снова вступить в бой. Но при осмотре повреждений выяснилось: они были настолько тяжелыми, что ни о каком продолжении боя не могло быть и речи.

Перебит рулевой привод, который было невозможно исправить. Из-за пробоин «Варяг» дал значительный крен. Выведено из строя большинство орудий, разрушены многие палубные надстройки. Крейсер держался на плаву благодаря мужеству членов экипажа. На все пробоины были подведены пластыри.

Команда потеряла 31 человека убитыми. С учетом раненых — около 200 человек — из строя было выведено на треть экипажа. Сам командир был ранен в голову.

Ввиду создавшегося положения, на совещании офицеров приняли решение уничтожить корабль, чтоб не достался врагу. Капитаны, стоявших на рейде судов, изъявили готовность принять на свои борта команду «Варяга» и «Корейца». Вскоре на их шлюпках все члены экипажей были перевезены на иностранные корабли, где были довольно комфортно размещены.

Крейсер сначала хотели взорвать, но по просьбе иностранных командиров кораблей, чтоб не подвергать их опасности, решено было затопить «Варяг». С открытыми кингстонами в 6 часов 10 минут крейсер скрылся в морской пучине. Двумя часами раньше

была взорвана канонерская лодка «Кореец».

Следует добавить, что в эвакуации русских экипажей не принял участия только американский «Виксбург». Его капитан Маршалль отказался принять на свой борт русских героев, не оказал им никакой помощи. «Варяг» ушел на морское дно непобежденным. Команда героического крейсера была доставлена иностранными судами сначала в Одессу, затем на своих кораблях в Севастополь. Тепло и торжественно встретила их Россия. Затем моряки «Варяга» и «Корейца» выехали специальным поездом в Петербург, на каждой станции их встречали ликующие люди хлебом-солью, преподносили подарки. Ликованию не было конца.

После парада на Дворцовой площади в Петербурге героев пригласили во дворец на царский завтрак, где их приветствовал император Николай II. После завтрака матросам предложили взять на память столовые приборы. А впоследствии все участники сражения при Чесмеле были награждены памятной серебряной медалью, учрежденной в честь героического события.

Вскоре все матросы были распределены на дальнейшую службу по флотским экипажам в города Кронштадт, Либава, Ревель, Севастополь, Николаев, Владивосток. И лишь немногие остались в петербургских экипажах.

Сам Руднев был назначен командиром 14-го флотского экипажа и командиром строящегося в Петербурге линкора «Андрей Первозванный». До конца дней герой Чесмели находился на вершине славы. О нем знал весь мир. Но эта слава была закономерным венцом всей его предшествующей 30-летней службы на флоте. И сегодня, отдавая дань восхищения его подвигу — столетней давности — мы просто обязаны рассказать хотя бы коротко о биографии легендарного русского командира.

Как писал один историк «Варяга», «Династия моряков Рудневых берет начало от Петра I. Морские офицеры Рудневы участвовали на боевых кораблях во всех морских сражениях: при Чесме в 1770 году и при Наварине в 1827 году, во время Севастопольской обороны 1854—1856 годов.

Родился Всеволод Руднев 19 августа 1855 года в семье отставного капитана 1 ранга Федора Николаевича Руднева, который проживал в небольшом особняке села Ятского Тульской губернии. В многодетной семье Всеволод был младшим. Море рано вошло в его сознание — ведь его отец был героем русско-турецкой войны 1828—1829 годов, в качестве командира корабля. Он был сподвижником выдающегося адмирала Лазарева. Старший двоюродный брат Всеволода капитан-лей-

тенант Федор Федорович участвовал в обороне Севастополя и был рядом с адмиралом Нахимовым.

Благодаря рассказам отца и брата об их интересной морской службе, вся атмосфера в доме дышала морем. На всю жизнь будущий командир «Варяга» запомнил наставления своего отца: «Смотри, на твою долю выпадет большая честь — отметить 200-летие службы Рудневых в славном Российском флоте. Я в четвертом поколении моряк, и род свой не посрамил. Очередь за тобой. Не склоняй головы перед врагом, не спуская перед ним флага! Уважай и люби матросов — они тебя никогда не подведут».

В 1872 году с большими трудностями при содействии бывших сослуживцев отца Всеволод поступает в единственное знаменитое в России Петербургское морское училище, на стенах которого вписаны золотыми буквами имена его выпускников — замечательных флотоводцев С. А. Спиридонова, Д. Н. Сенявина, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. И. Истомина, В. А. Корнилова.

За трудолюбие и отличную учебу одаренный юноша среди немногих был удостоен Нахимовской премии.

В 1876 году после успешной сдачи выпускных экзаменов Всеволод Руднев был произведен в гардемарины и назначен в первое кругосветное плавание на учебный фрегат «Петропавловск». Матросы и офицеры сразу полюбили молодого моряка. Да и было за что. Обладая широкими теоретическими знаниями морских наук, Руднев владел французским и английским языками, имел спокойный общительный характер, прекрасно играл на пианино, любил песни. Образованный молодой офицер в глазах начальства имел только один недостаток — он слишком гуманно относился к матросам. Такая демократичность в те времена могла отрицательно сказаться на его карьере. Но Руднев на всю жизнь остался верен своим принципам и наказу отца.

После кругосветного плавания Руднев был назначен мичманом на крейсер «Африка», на котором он совершил свое второе кругосветное путешествие, описанное им в книге «Кругосветное плавание на крейсере «Африка» в 1880—1882 годах».

А долгие годы службы Руднева стремительно понеслись, как волны за кормой: 1888 год — командир транспорта «Петр Великий». Старший офицер броненосца «Гангут». 1890 год — кругосветное плавание на корабле «Адмирал Корнилов». 1891 год — командир миноносца «Котлин».

В 1893 году он отбывает в Грецию на броненосце «Николай I» для охраны российских интересов на острове Крит. Командовал эскадрой контр-ад-

мирал С. О. Макаров. Несмотря на разницу в возрасте, Руднев был частым гостем в каюте Макарова. На броненосце были отменены телесные наказания и рукоприкладство.

В 1895 году «Николай I» ушел в кругосветное плавание. В том же году Руднев назначается командиром броненосца «Адмирал Грейг». В совершенстве зная штурманское дело, Руднев сам прокладывал курс корабля. И потому он не допускал ни одной аварии. «Море ошибок не прощает», — любил повторять он.

Руднева часто перемещали. За свою службу он сменил 17 кораблей. Каково ему было расставаться с каждым из них. Но он никогда не жаловался и добросовестно выполнял любое поручение.

Невниманию к родителям Руднев считал тягчайшим пороком. Находясь за тысячами миль от дома, он никогда не забывал написать письмо своей матери. И часто родители неграмотных матросов получали письма, написанные их командиром. Глубоко уважая матросов, он строго требовал такого же уважения к ним и от всех офицеров. Будучи патриотом своей Родины, Руднев воспитывал в духе патриотизма всех членов экипажей, где бы он ни служил. И еще он строго следил за дисциплиной всех чинов, считая ее первоосновой успеха и порядка на корабле.

Таким был человек, прославивший Российский флот при Чесмеле.

И Родина не забывает своих героев. Спустя полвека, по инициативе Главного командующего ВМФ СССР Адмирала флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова, в Москву были приглашены оставшиеся в живых участники героического сражения — моряки крейсера «Варяг». Из 15 здравствующих героев в 1954 году в столицу смогли приехать 12 моряков «Варяга». Среди приглашенных был и мой дядя, бывший матрос легендарного крейсера Василий Федорович Бакалов. Все ветераны русского флота были тогда в возрасте более семидесяти лет. Некоторые из них еще трудились.

На юбилейные торжества был приглашен и сын В.Ф. Руднева — Николай Руднев.

«Это были незабываемые дни!» — рассказывал мне мой дядя — матрос «Варяга».

Для приехавших в столицу были отведены лучшие номера в гостинице Центрального Дома Советской Армии. Самая большая комната служила кают-компанией — для бесед и приема гостей. Со слезами на глазах встречались бывшие товарищи после полувековой разлуки. С глубоким волнением они обнимали друг друга,

вспоминая и службу на крейсере, и тот бой, и своего командира Всеволода Федоровича Руднева.

Моряков познакомили с достопримечательностями Москвы, а затем состоялась встреча варяжцев с молодыми офицерами Советской Армии и Военно-Морского флота.

Восьмого февраля 1954 года моряков повезли на автомашинах в село Савино Тульской области на возложение венка на могилу бывшего их командира. Состоялся траурный митинг, на котором присутствовали представители общественных организаций и местные колхозники.

В Москве несколько моряков-варяжцев были приглашены в радиостудию, где они выступали перед микрофоном — для всей страны.

Девятого февраля состоялась кульминация 50-летнего юбилея героического подвига «Варяга». В большом зале Центрального Дома Советской Армии состоялось торжественное собрание. Все ветераны-варяжцы были одеты в матросскую форму. На бескозырках — гвардейские ленточки с надписью «Варяг». Собрание открыл Адмирал Флота СССР Н.Г. Кузнецов, он подробно рассказал о том героическом бое. Выступили моряки-варяжцы. Затем огласили Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении пятнадцати моряков «Варяга» медалью «За отвагу».

Второй Указ гласил о присвоении одному из боевых кораблей имени «Варяг» и — об установлении бронзового бюста Всеволоду Федоровичу Рудневу в городе Туле.

Так воздало почести правительство СССР варяжцам.

Счастливыми разъехались по домам моряки — их подвиг не забыт. Всем им была выделена приличная пенсия и посезонное морское обмундирование.

Когда мой дядя Василий возвратился в родное село Колодезное (Воронежская область, Подгоренский рай-

он) на него все смотрели как на героя. К нему со всех концов района и области потекли толпы паломников. Помнится, придут к нему школьники из соседних сел, и он ведет их в сад под груши. Все сядут на траву в кружок и пошли разговоры о «Варяге», о том бое, о морской службе, о жизни в старые времена.

Роста дядя Василий был двух сажень. Именно таких богатырей подбирал Руднев в свою команду.

Умер дядя мой, матрос-варяжец, в почете в 1960 году.

Николай Бакалов, пос. Малиновский, Советский район, Тюменская область.

Послесловие. «Варяг» после боя был затоплен на небольшой глубине — всего 21 метр. И вскоре японцы его подняли. После капитального ремонта крейсер прослужил в японском флоте до 1916 года. В том же году Россия купила у Японии свой крейсер и отправила сразу же на ремонт и модернизацию на английские судостроительные верфи. Но через два дня после его отплытия свершилась революция в России. Некоторое время «Варяг» стоял в английском порту в ожидании ремонта. Но большевистское правительство отказалось оплачивать его ремонт. И вскоре англичане продали «Варяга» Германии в качестве металлолома. При буксировке «Варяга» в германский порт в штормовую погоду он наскочил на скалы и затонул.

И вот спустя почти 90 лет «Варяг» был обнаружен подводниками. С него достали некоторые фрагменты. Одна из зарубежных телестудий показала сюжет, в котором внук В. Ф. Руднева, проживающий во Франции, посетил место последнего пристанища легендарного крейсера, которым командовал его дед. Счастливый потомок высказал пожелание, чтобы корабль был поднят.

Как дорога русским эта легендарная реликвия! Музейная, разумеется.

Автор.

Гибель Варяга

Народная песня

*Наверх вы, товарищи,
все по местам!
Последний парад наступает...
Врагу не сдается
наш гордый «Варяг».
Пощады никто не желает!*

*Все вымпелы вьются,
и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают,
Готовьтесь к бою! Орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают.*

*И с пристани верной
мы в битву пойдем,
На встречу грозящего ада,
За родину в море открытым умрем,
Где ждет нас бессмертьем награда...*

*Свистит, и гремит,
и грохочет кругом,
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бесстрашный
и гордый «Варяг»
Подобен кромешному аду.*

*В предсмертных мученьях
трепещут тела,
Вкруг грохот, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня,
Настала минута прощанья:*

*«Прощайте, товарищи,
с богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами.*

*Не скажут ни камень,
ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские*

*прославят одни
Геройскую гибель «Варяга».*

**Автор слов немецкий поэт
Рудольф Грейнци.**

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении медалью «За отвагу» моряков крейсера «Варяг».

В ознаменование пятидесятилетия со дня героического подвига русских моряков крейсера «Варяг», за личное мужество и отвагу, проявленные в бою с японской эскадрой при Чемульпо 9 февраля 1904 года, наградить:

МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»

1. Бакалова Василия Федотовича
2. Войцеховского Адольфа Доминиковича
3. Залидеева Дмитрия Степановича
4. Крылова Степана Давыдовича
5. Кузнецова Прокофия Максимовича
6. Крутякова Василия Ивановича
7. Капленкова Ивана Ефимовича

8. Калинин Макара Евдокимовича
9. Кузнецова Александра Ильича
10. Мазурец Лукьяна Григорьевича
11. Полинова Петра Егоровича
12. Семенова Федора Федоровича
13. Чибисова Тихона Прокофьевича
14. Шкетника Андрея Ивановича
15. Ярославцева Ивана Федоровича

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР**

К. Ворошилов.

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР**

Н. Пегов.

Москва. Кремль. 8 февраля 1954 г.

Тюмень литературная

РУССКИЙ ХАНТ

Рассказ

— А ну-ка, тормозни, браток!

Джип «Гранд-Чероки» резко сбросил скорость, съехал на обочину шоссе в полукилометре от стольного града югорского края Ханты-Мансийска.

Водитель-охранник — типовой новорусский «бычок» с короткой тонкой стрижкой, в светлых джинсах, в тенниске, в очках «хамелеон», с шарами узловатых бицепсов на тренированных руках, легко выскочил из машины и открыл перед боссом дверцу.

Предприниматель Векшин — уже немолодой, медлительный мужчина с пеплом седины на волосах, в униформе дельца средней руки (белоснежная сорочка, модный яркий галстук с малиновым отливом, синий костюм-двойка в светлую полоску), выйдя, потянулся с наслаждением, привстав на острые носочки цвета спелой вишни туфель фирмы «Mario Bruni»:

— Сникерсни, браток, немножко! — Водитель-охранник понимающе кивнул.

— Да вот сюда нырните, Пал Иваныч! — указал блеснувшими стеклами «хамелеонов» на заросли малинника. В стороне от сбегавшей по склону, усыпанной рыжими сосновыми иголками пешеходной тропки.

Векшин не ответил, не разомкнул замок из сцепленных на затылке пальцев. Покачиваясь, словно бы в раздумье, с крутояра всматривался вдаль. Там, впереди, блестел Иртыш, трудно шла груженная щебнем самоходка туда-сюда сновали «крымы» и «обянки», а крутояр по обкошенной пойме с редкими, оставшимися после спада воды блюдцами озер, опоясывала безымянная протока, в половодье рыбакам спрямляющая путь до судоходных рек и речек. Вдоль берега виднелись мальчишечьи фигурки с удочками в руках...

— Ты вот что, отдохни чуток в машине, а я спущусь к протоке, посмотрю.

— Что там смотреть-то, Пал Иваныч? — оторопел водитель-охранник. — Невидаля какая! Пацанва шурят там ловит! Ехать надо — времени в обрез!

— Не твоя забота, покури! — сказал, как отрубил, предприниматель и добавил уже на ходу дружелюбно. — Из администрации позвонят, скажешь, мы в пути.

— То гнали, как шального, то перекури... — Водитель-охранник выдернул из заднего кармана джинсов мобильник, набрал номер, коротко кому-то что-то сообщил и уселся на свое водительское место так, чтоб был обзор всего участка берега, к которому по глинистому, скользкому от недавнего дождя склону неуклюже спускался Векшин. — Ну вот куда его нечистая несет? Вывозится в глине, как потом в администрации? — Достал из надорванной пачки сигарету «кэмел», прикурил, наслаждался первой глубокой затяжкой и отпал на спинку кресла. — Водилово дело холопьё!

А Векшин, балансируя руками, цепляясь за свисающие над тропой колючие стебли малинника вперемежку со жгучей крапивой, чертыхаясь, спустился с крутояра, оглядел красные, в мелких занозах, ладони, вытер о штаны.

Протоку от яра отделяла узкая песчаная полоска, а у самой кромки воды, по колено в бурой ленте ила стояли неподвижно трое пацанов.

Векшин подошел, встал за смуглыми спинами увлеченных рыболовов.

— На что, «бойцы», рыбачим?

«Бойцы» и головы не повернули. Мало ли проезжих спускается к протоке поглазеть! Но двое ответили вяло:

— На кишку...

— На червя!..

— Так на кишку или червя?

— А кто на че! — обернулся, наконец, и третий — худенький курносый мальчуган лет десяти-двенадцати, с большими серыми глазами. Шмыгнув носом, уточнил. — Я, дак, например, на щучью жабру!

— Ну и как, берет?

— С утра на все подряд хватала, даже на окурок, а щас чего-то плохо — жор, наверно, кончился, залегла, зараза. Ну ниче, мы подождем... К вечеру опять оголодает. Куда, на фиг, денется!

— Это точно! — согласился Векшин, с интересом оглядев бойкого на слово мальчугана. Тот, в свою очередь, с любопытством оглядел его и, переступив с одной, увязшей в иле по колено, на другую, затонувшую по щиколотку, ногу, неуверенно спросил:

— А у вас закурить не найдется?

— Нет, не найдется, «боец». Не курю. Сам не курю и тебе не советую — вредно.

— Фигня все это, блин! Фигня и пропаганда! — зло парировал юный рыболов.

Похожие друг на друга как две капли воды два черноволосых мальчугана в одинаково синих замызганных шортах (вероятно, близнецы, предположил Векшин) переглянулись, приснули с ужимками.

— Он, дядь, с пеленок курит!

— И не только курит!.. — собрался доложить другой, но курносый вдруг ощерился: в готовности к прыжку.

— Р-разговорчивые, блин! Вам слово не давали!

Близнецы на всякий случай отошли подальше.

— Ух, какой ты лютый! — оценил «бойца» предприниматель и обратился сразу ко всей троице: — У кого, добытчики, удочка найдется для меня?

Близнецы переглянулись, но смолчали. Курносый тоже отвернулся, будто не расслышал. Сменил наживку на крючке и забросил снасть.

— Что, нет ни у кого? — не поверил Векшин. — Тогда вот что, друг горячий! — обернулся он к курносому. — Хочешь покурить? Уши пухнут, да? Дуй вон к тому джипу, наверху, спросишь у водилы сигарету, скажешь, я велел — он даст. Покури, я порыбачу.

Курносый просиял. С трудом высвободил ноги из чавкающего месива, шмыгнув носом и вручил самодельную удочку Векшину, даже посоветовал:

— Лучше на кишку попробуйте! На жабру че-то не берет!

— Ладно. Дуй за сигаретами, пока уши не отпали! Мальчуган вприпрыжку пустился к крутояру, почти на четвереньках прытко стал взбираться по тропе наверх.

В туфлях соваться в ил было безрассудно. Векшин разулся на бугре, снял носки, пиджак и галстук, до локтей закатал рукава рубашки. Невдалеке из-под песка торчал обугленный обломок плахи. Раскачав, не без усилий выдернул его, принес и скинул в ил. Плашка держала. Испытывая известное каждому заядлому рыболову нетерпение, взял у близнецов «уснувшего» щуренка, осколком тонкого стекла вспорол бестрепетной рыбешке белое брюшко и, запустив

вовнутрь, к жабрам, указательный палец, зацепил кишку, оторвал у основания. Разрезал кишку надвое, утолщенным, прочным концом нацепил на крючок, заученным с детства движением вздернул так, чтобы наживка не висела неподвижно, как изолировка, а скользила бы по леске от зарубочки на кончике крючка до свинцовой капельки-грузила. И, как в детстве, прежде чем закинуть приготовленную снасть, трижды сплюнул на наживку.

— Ну, ловись, рыба, большая и маленькая!

Урожденному ханты-мансийцу не нужно объяснять, что такое ловля щурогаев! Назвать рыбалкой это древнее занятие уважающий себя рыбак не решится ни в шутку, ни всерьез. Это не добыча и не промысел. Скорей, забава, отдых, состязание таких, как курносый с близнецами, «бойцов», готовых сутками торчать на берегу по колено в холодной воде или вязком иле; досуг не озабоченных делами «молодых» пенсионеров, сочетающих приятное с полезным; это не рыбалка в привычном смысле слова, но школа юных рыбаков, прививка страсти и азарта на всю последующую жизнь, ибо никто не возразит, что ловля щурогаев — азартнее рыбалки обычной поплавочной удочкой, когда сидишь часами неподвижно, тупо уставясь в поплавок; азартней блесновения, когда момент заглота щукой тройника в глубине из-за тяжелой снасти порой не ощутишь, а для кого-то и азартнее подледного ужения...

Легким подергиванием удилица Векшин повел леску из глубины на себя, направил вдоль берега, и вот он — желанный рыбок! Натянутая леска вдруг метнулась в сторону. Не ожидавший столь быстрого клева, он нелепо рванул удочку вверх. Сорвавшись, щуренок шлепнулся в песок за его спиной. Вяло трепыхнувшись, тотчас и сомлел, едва вздымая жаберными крышками... Векшин подобрал рыбешку. Совсем еще малек!

Он и не услышал, когда спустились с крутояра курносый, а за ним и водитель-охранник. Мальчонка первым делом подбежал к рыбешке.

— Что, дядь, поймали, да? — За ухом у него торчала желтым фильтром сигарета.

— Как видишь. О, да ты запасся, парень! Как тебя зовут-то?

— Денис меня зовут!

— Ну, отдохни, Денис, маленько!

— Да мне-то че, рыбацьте! — расщедрился курносый. — У меня в пакете запасная есть.

— А что же ты молчал, когда я спрашивал про лишнюю? Денис, не моргнув, оправдался:

— Лишней нет, есть запасная! Хотите, вам ее продам? Водитель-охранник снял свои «хамелеоны».

— Наш человек, Пал Иваныч!

Векшин усмехнулся.

— Да ты жучок, Денис! Жуча-а-ра! Платную услугу, значит, предлагаешь? Ладно, так тому и быть. Рынок — для всех рынок. Называй цену!

Мальчуган слегка смутился.

— А сколько вы дадите?

— Надеюсь, хватит доллара?

— Реально!

— Что, что? — не понял Векшин.

— Договорились! — пояснил Денис.

— Ну ты, «боец», не лох, однако! — оценил предприниматель. Кивнул водителю-охраннику. — Дай ему зеленую!

Тот заглянул в полиэтиленовый пакет, извлеченный Денисом из углубления в песке. В пакете вяло трепыхнулись щурогайки. Брезгливо сморщил нос.

— Пал Иваныч, может, хватит? Ехать надо. Через пять минут начнется вскрытие конвертов с конкурсными заявками!

— Вот через пять минут и поедем! А пока позвони и скажи, что задержимся... Ну, соври там что-нибудь!

— Ох, Пал Иваныч!.. — Водитель-охранник достал из кармана бумажник, протянул Денису сложенную вдвое долларовую купюру. — Держи, мироед!

Денис, разгладив на коленке, рассмотрел ее, затем сложил и сунул в кармашек серых шорт.

— Дядь, Вы новый русский, да? — поинтересовался у Векшина.

— Ну, какой я новый? Я, скорее, старый. Старый русский хант... Ведь я вырос в Хантах. Сейчас живу в Сургуте, а когда был пацаном, таким же вот, как ты, тоже рыбачил на этой протоке. На блесну, на петлю... Тогда протока была полноводной, как речка... Из медной проволоки делали петельку, привязывали к удилице, опускали в воду... Только влывет в нее щурогайка, дернешь удилице вверх на себя, и петлей захлестывает рыбину... Знай выкидывай на берег! Ловил когда-нибудь на петлю?

— Не-е... Сейчас петлей на речке только в Шапше ловят! Деревенские. Не хило, я видел... А джип на горке Ваш?

— Джип-то? Мой. А что?

— Значит, новый русский. Старым джип не по карману. Классная машина! Можно, я помою?

— Ну нет, «боец», не надо.

— За пару долларов, а, дядь?

Есть кому помыть!.. Что-то рано ты, Денис, на долларах закипился! — заинтересовался Векшин. — Или нужда заставила?..

— А кого, блин, не заставила? — с недетской убежденностью в глазах выкрикнул Денис. — Папка на похмелку просит, матушка — на хлеб. На рынке тоже надо сунуть, чтоб не прогоняли...

— Стоп, а папка что, он разве не работает?

— Отработался, ага... Он у нас больной. С войны. Ему лечиться нужно...

— С какой, Денис, войны? Ему сколько лет?

— С какой, какой! С Чеченской! Вы будто, дядь, в другой стране живете! Ему осколок от гранаты в голову попал, он у нас маленько не в порядке...

— Вот теперь понятно. Сочувствую, браток... Ну а на рынке ты кому и за что обязан?

— Да-а! — отмахнулся Денис. — Я там щурогайку бабкам да картошку с огорода продаю. А без бумажки прогоняют все, кому не лень...

— Без бумажки худо, — согласился Векшин. Денис выдернул на берег щурогайку.

— Ну ниче, я этот рынок скоро под колпак возьму. Сам буду там порядки наводить. Хватит им командовать! Они меня еще узнают! — Он грозно шмыгнул носом.

— Кто это — они?

— А то Вы, блин, не знаете! Везде сейчас они. Мы их скоро свергнем на фиг. Пусть летят на свой Кавказ, у себя командуя. А дома будем мы. Сами будем с рынков стричь!..

— Вот как?! Не простой ты парень...

В эту самую минуту клюнуло опять. Удилище в руках согнулось вопросительным знаком. Векшин рванул его через

Николай Иванович Коняев родился в поселке Нялино Ханты-Мансийского района в 1954 году. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. В настоящее время работает ответственным секретарем писательской организации Ханты-Мансийского автономного округа. Автор книг повестей и рассказов «Сборщик дани», «Чужая жизнь», «Отголоски-отзвуки» и других. Член Союза писателей России. Главный редактор окружного альманаха «Эринтур». Лауреат губернаторской премии 2001 года.

Постоянный автор и друг нашего издания Николай Коняев недавно отметил свое пятидесятилетие. Мы от души поздравляем талантливого, известного в России писателя, желаем ему успехов, здоровья, новых свершений на благо отечественной словесности.

«Тюмень литературная».

плечо, и, на мгновение блеснув над головой живым серебряным кольцом, щурогайка плюхнулась к ногам. Он попытался схватить ее левой, свободной рукой, но рыбина скользнула между пальцами и, выскользнув, затрепыхалась в иле, юзом уходя к воде.

— Ногой! Ногой ее зажмите! — закричал Денис. — Дяденька, ногой, а то уйдет!

Выронив удилице, Векшин сделал шаг навстречу ускользящей рыбешке и, увязнув в иле, повалился, выкинув вперед обе руки и все же захватив растопыренными пальцами правой облепленную грязью щурогайку. В положении упора лежа высвободил ноги. С зажатой в пальцах рыбиной обмыл в протоке руки и взошел на бугорок.

— Ах ты, змейка! — щелкнул ногтем по открытой пасти мелкой хищницы с окровавленными жаберными щелями. — Ах ты, змейка, уронила босса в грязь! В грязь лицом, негодница, уложила!

...И клев настал. Он не успевал забросить снасть, как хватала щурогайка, заглывала наживку, приходилось силой выдирать крючок из пасти, разрывая жабры или брюхо. Осклизлыми, окровавленными пальцами вновь цеплял наживку и, потеряв счет времени, вытаскивал щуренка за щуренком...

Денис раззадорился тоже. Наладил запасную удочку, забрел в воду по колено, с особой удалью и шиком выдерживал рыбешек так, что они срывались с крючка уже на берегу, трепыхались там и сям в песке. Он их уже не складывал в пакет поодиночке, а собирал всех сразу, когда менял наживку...

На противоположном берегу высадился свежий десант рыболовов из подъехавшей на велосипедах ребятни. Засвистели, рассекая воздух, лески...

Водитель-охранник вновь спустился с крутояра с мобильником в руке.

— Пал Иванович, Вас!

— Кто? — спросил, не отвлекаясь, Векшин.

— Комитет по экономике. Требуют каких-то объяснений!

— Вот и объясни, в конце концов, просто и доходчиво, — вспылил внезапно Векшин, — что я снял свою заявку! Все объяснения дам завтра. Лично. Мэру. Все! И выключи мобильник! Не маячь перед глазами!

— Вам виднее, как прикажете ...

Один из вновь прибывших мальчуганов с первого заброса выдернул крупную щуку-травянку. Хищница успела проглотить крючок, сорвалась с перекушенной лески, затрепыхалась на отмели. Рыбак в акробатическом, немислимом прыжке упал на нее сверху, прижал голым животом...

— А-а-а! — завопил он истошно, обалдев от удачи. На помощь счастливицу кинулись приятели. Выдернув бьющую тяжелым хвостом полуметровую щуку из-под живота, удачника, отволокли ее подальше от воды. И теперь сгрудились вокруг хищницы, шумно восторгались, примеривали, взвешивали добычу на глазок...

— Ты смотри-ка, — удивился Векшин. — Хороша зубастая! И как она сюда попала?

Присев на корточки, водитель-охранник молча кивнул, отмахнулся от мошкары сосновой веткой, настраиваясь на долгое ожидание.

А мошкара наседала. Векшин отбивался от назойливо атаковавших жгучих насекомых, мокрыми руками стирал их с грязного лица и шеи, стряхивал черными катышами сухой — тыльной стороной ладони. Раскатал до искусанных в кровь щиколоток безнадежно заляпанные илом брюки, кутал голову в выброшенный пиджак, но мошкара проникала под рубаху, жгла голени, глаза, уши...

— Вот же, зараза какая — нет от нее никакого спасения! — кричал и ругался вполголоса Векшин. — «Орлы»! Нет ли у кого комариной мази?

Мази у «орлов» не оказалось.

— Как же вы терпите этих скорпионов?!

Но на мошкару Денис и близнецы не обращали внимания, будто бы для них ее не существовало...

На том берегу выловленную щуку наконец-то усмирили, и счастливый рыболов, весь в песке и глине, ликуя, демонстративно добычу, подняв кулан над головой.

Бросив свои удочки, Денис и близнецы молча кинулись к нему через протоку вброд, взбаламутив воду.

— Вот же бесенята! — Векшин сменил наживку. — Как-то в детстве, лет пять-шесть мне было, здесь, на этом месте, на блесну рыбачил с плотика — женщины ковры, половики на нем стирали-полоскали, — стал вполголоса рассказывать водителю-охраннику. — И вдруг схватила щука! Такая, веришь, крупная — волна пошла кругами. Я к берегу пытаюсь подвести ее — куда там, силы не хватает, прет, как торпеда, в глубину. А плот бревенчатый, сосновый... И вот я поскользнулся да в воду лицом — плюх! Голова в воде, а ноги на плоту. Но удочку держу, вцепился мертвой хваткой. Щука бьется так и эдак, круги выписывает — водит, но она уйти не может, и я не подтяну... А был со мной приятель. За ноги схватил, а что делать дальше — с испугу сообразить не может. Держит меня за ноги, а я в воде уже по пояс пузыри пускаю. Но удочку держу! Вот что удивительно! Сколько так барахтался, не помню — помню только, парень подоспел... Мотоцикл мыл, увидел. Вытащил меня, а я уж посинел. Но удочка в руках. А на блесне, поверишь, щука — килограмма три. Из меня вода фонтаном хлещет — нахлебался до ушей, надо бы домой, да боюсь — отец накажет за мокрое белье. Разделся, выжал трусы, майку, на травку разложил, щуку — на кулан, а сам опять рыбачить. К вечеру иду домой. Вот, мечтаю, мать меня похвалит! Такую щуку добыл на уху! А не подумал, что на солнце щука-то уснула, а пока я обсыхал, запашок дала... Мать принялась: где взял? — Сам выловил на блеску! — Тебе такую не осилить! — Не поверила мне мать. Так, браток, обидно было... Такими испытаниями щука эта мне досталась!

Денис и близнецы вернулись с того берега.

— На что они там ловят? — поинтересовался Векшин.

— На лягушку, дяденька! Щас и мы попробуем, не такую выловим! Вам лапку оторвать?

Водитель-охранник сплюнул брезгливо, нацепил «хамелеоны» и, не сказав ни слова, направился к крутояру.

Векшин тоже отвернулся.

— Нет уж — лучше на кишку!

Мальчуганы какое-то время возились с лягушкой, препираясь, разделяли ее. Закинули снасти со свежей наживкой, но и мелочь на лягушку не цеплялась, и крупная — травянка — не брала...

А невидимое в наслоениях бурых облаков августовское солнце неспешно завершало дневной оборот. Светлая полоска низкорослого заречного ивняка за пойменной луговойной на глазах померкла...

Улов (фото из архива «ТЛ»)

Клев резко прекратился. Векшин водил леску вдоль берега, изредка подергивал снасть. Побелевшая наживка едва держалась на крючке, волочилась по мягкому дну, цепляясь за водоросли, вздымая нити желтой мути; серебристые мальки то шаркались по сторонам, то непостижимым образом вновь сбивались в стайку. Изредка из глубины стремительно выскакивал изумрудный, с карандашик, щуренок, но не хватал безрассудно наживку, а замирал перед ней, словно сомневался — что-то тут не так!

Денис и близнецы сворачивали снасти.

— Все, пора и меру знать! — поставил точку Векшин.

— Куда теперь прикажем, Пал Иваныч? — с показным равнодушием спросил водитель-охранник, бросив беглый взгляд на вывоженного илом с ног до головы предпринимателя.

— В Сургут. Домой... И первым делом — в сауну... Но сначала подбросим коллегу до рынка. Ему еще работа сегодня предстоит. — Векшин подтолкнул к машине мальчугана. — Садись, боец. Прокатимся. Да смотри мне, чтоб пакет не лопнул. Тогда точно мыть салон заставлю!

— Почему бы не подбросить! — водитель-охранник дружески хлопнул по плечу Дениса. — Свой человек. Видно птицу по полету!

— Да, — со вздохом согласился Векшин. — Свой-то свой, да жалко парня.

— Это почему же? Что его жалеть? Такой нигде не пропадет! Верно, брат Денис?

Брат Денис смущенно хмыкнул и пожал плечами. Водитель-охранник со снисходительной усмешкой взглянул на Векшина.

— Целый день понять вас не могу! — он завел машину, сдал назад, вырвав на шоссе. — Такая заказ сегодня упустили! Ведь ясно ж всем, как дважды два, — явись на конкурс вовремя, и заказ на поставку в кармане! В администрации сейчас голову ломают — почему вы не явились. Мэр будет сам звонить. Странный вы сегодня, Пал Иваныч!

— Не странный, а дурак! — Векшин легко, от души, рассмеялся. — Дурак дураком. Ты хоть никому там, в Сургуте, не рассказывай, как на конкурс в Ханты съездили, а то ведь обсмеют...

— Да мне-то что! — водитель-охранник любовно огладил баранку и прибавил газу. — Тем более, дурака, осознавшего себя дураком, дураком уже не назовешь!

— Ну-ну, полегче мне на поворотах!

— А рыба ваша где? Улов-то, Пал Иваныч?

— Да на кой он мне!.. Денису вон отдал, пусть реализует. Разве это рыба? Баловство одно. Да и жена, признаться, с этой рыбой не поймет.

— Это почему же?

— Так ведь не стерлядь, не осетр!

— А я думал, не поверит, что сами наловили! — водитель-охранник от души расхохотался.

— Не к добру развеселился, гляди лучше на дорогу! — вяло буркнул Векшин, но не смог сдержать улыбки. — Ничего! Не смертельно. Упустили заказ на поставку сегодня — ухватим завтра. Что нам стоит дом построить! Верно, нет, Денис?

— Ухватим, делать не фиг!

— Денису можно верить! — Векшин достал из нагрудного кармана пиджака визитку. — Держи, браток, на память. Будет худо — позвони, что-нибудь придумаем. И спасибо за рыбалку. Душу отвел в кои веки!

— Душу отвести можно было в отпуске, — угрюмо возразил водитель-охранник. — Вы ж на той неделе на Лазурный берег, в Ниццу, улетаете. Вот где рай-то для души!

— В Ницце, дорогой мой, безусловно, рай, — Векшин сладко, словно сытый кот на солнцепеке, потянулся. — Вот только щурогав там не ловят!

• Первая публикация

НА ГРАНИ

Она летела над землей, ее гибкое и стройное тело ясно вырисовывалось на темно-синем фоне неба, освещенном лишь одинокой желтой луной. Она летела и думала о том, что она вот уже несколько тысяч лет единственный человек во всем мире, и она бессмертна. Так странно, что люди ушли, а все осталось. Остались леса, равнины и реки. А ведь ими больше никто не любит, никому они не нужны. Осталась лишь она, она одна. Зачем ее оставили здесь? Одиноким ночной страж. Она охраняет эту планету. Когда-нибудь сюда придут другие. Они оживят здесь все. И она больше не будет одинока. А пока она даже не замечает, что вокруг нее давно уже рушится, смотреть больше не за чем, но она об этом никогда не узнает. Люди ушли, осталось только довершить их дело. И природа сама его довершит. Чистая, непорочная, прозрачная Земля будет ждать своего часа много веков, и вместе с ней этого часа будет ждать одна прекрасная душа, которая скользит по ее небу.

СНЕГОПАД

Едва рождаясь, мягкие белые пушинки, плавно кружась, медленно опускаются на землю. Ветер мерно качает их на своих крыльях. словно маленькие бабочки порхают они по воздуху, ласково прикасаясь к лицам прохожих. Обманутые нежностью ветра, послушные его воле, маленькие самоубийцы массово падают из развернутых небес. Ветер, сначала в шутку, сбрасывает их в воздушные водовороты. Ритм ускоряется. Коварный небесный гонитель уже мчит их с бешеной скоростью, кружа в неистовом танце, безжалостно сбрасывает под ноги бесчисленным прохожим.

...Раздавленные, бессильно лежат на земле. Они не могут больше подняться и с грустью наблюдают, как сыплются тяжелыми комьями, весело прожигая свою короткую жизнь в объятиях ветра, их сестры-снежинки.

СВЕТ НАДЕЖДЫ

Бьется душа, будто птица о прутья клетки. Она задыхается... Вот бы подняться туда, в синее-синее небо. Лечь на воздух раствориться в дыхании вселенной. Я хочу впустить в себя весь мир, объять космос. И Земля уже становится мала. Легкое дуновение ветра выносит меня за пределы этого мира. И тогда рождается вопрос о смысле жизни. Столько нужно успеть, увидеть. Слишком мало времени...

И вдруг душа сжимается. Стремительно падаю в пропасть. Клетка вместительна, мир огромен... Монотонность затягивает в бездну. Изо дня в день. Будто капли воды: кап, кап... И никак не понять кому все это нужно? Зачем я живу? Зачем мы живем? Банально. Только ради материальных благ и духовной умиротворенности? Это мало мелочно. Жизнь ради жизни? Кап, кап... Льется дождь. Я вдруг погрузилась. Слезы на стекле. Мои или дождя?

Рядом блестит серебристая поверхность зеркала. Кладу руку на стекло. Вглядываюсь вглубь, сквозь отражение. Сейчас я узнаю ответ на свой вопрос... Ничего. Мелодичный звон. И я уже собираю осколки. Разбилось не зеркало, разбилась моя мечта. Вновь смотрю в окно. Уже ночь. Среди черноты мерцают звезды. Их неяркому свету не рассеять мглу. Тьма гипнотизирует, поглощает сознание. И нас разделяет лишь один шаг и тонкая грань стекла. Мысли расходятся, словно круги по воде. Мир пошатнулся... Я сижу на полу и беззвучно плачу. Я не сплю, но когда поднимаю голову, черной бездны уже нет. Восток окутан розовато-пурпурным туманом. Медленно поднимается золотой диск. Протягиваю руки к восходящему солнцу. Жадно ловлю в ладони первый обжигающий луч он шепчет мне: «Когда-нибудь ты узнаешь истину. Когда-нибудь, но не теперь. А пока сиди в своей клетке». Жестоко, но справедливо.

Светлана Сизикова.

ученица 11 класса школы № 60 г. Тюмени.

Поэт и политик

*Вставай же, Русь! Уж близок час,
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде!*

Ф. Тютчев

Великое множество статей и книг посвящено Федору Ивановичу Тютчеву. Почти каждое стихотворение поэта проанализировано литературоведами разных стран, различных периодов времени. В этих статьях Ф. Тютчев предстает как великий лирик, дипломат, патриот и державник.

Однако нет на свете такого человека, который был бы велик во всем. Любой литератор-исследователь, пишущий о выдающихся людях, должен противиться искушению во всем решительно видеть проявление величия того, о ком он пишет. Дотошные исследователи Ф. Тютчева все же уличили поэта в небольших погрешностях его личной жизни, в отсутствии должного внимания поэта к своему таланту, и, соответственно, значимости его в общественной, культурной жизни России. Одним из главных обвинений, приписываемых поэту, — нереализованность великого таланта данного Ф. Тютчеву Богом. Он, мол, мало написал, проспорил, проговорил большую часть своей жизни в салонах Москвы, Петербурга, Европы. Думаю, исследователи заблуждаются.

Гениальные люди несут через всю жизнь более тяжелое бремя, чем те, которые пишут о них. Ф. Тютчев не был исключением, его жизнь вне России, как дипломата была очень трудной, а порой и мучительной, ибо связана была с принуждением, деланием того, что не соответствовало его натуре, его духу. Из писем тех лет, когда он работал в Германии, видно, что он порою не разделяет политического курса, проводимого вице-канцлером К. Нессельроде, называя его «отродьем». Тютчеву, судя по письмам, редко удавалось сохранять душевное равновесие, когда дело касалось политики России по отношению к западным странам. Он писал о вершителях политики России, о русофобах, действующих во вред страны: «Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, очень невысокого уровня, эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, а обстоятельства таковы, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать».

Свое отношение, как политик, Тютчев выражал не только через свои немногочисленные статьи о событиях, происходящих в Европе, в которых он выступает как блистательный публицист и мыслитель. Необходимо учитывать влияние Тютчева на власть посредством писем к людям, имеющим непосредственное отношение к политической жизни России. Наконец, необходимо обратить внимание на Тютчева как оратора, полемиста, который заставлял задумываться высокие умы о положении Отечества среди других стран мира. Недаром некоторые исследователи сравнивают Тютчева с древним мыслителем Сократом, который ничего не написал, но вошел в историю цивилизации как великий философ. Да, Сократ отказался писать, он размышлял вслух — на рынках, в мастерских и своими вопросами, афористичными суждениями сталкивал людей друг с другом. Эти споры описаны в диалогах Платона.

Метод Ф. Тютчева был иным, он не провоцировал вопросами людей и не побуждал их к спору, а подхватывал обсуждаемую тему, которая задевала его. После этого начиналась увлекательная, блистательная импровизация. Историк М. Погодин так описал монологи Ф. Тютчева: «Вот он роняет, сам не примечая того, несколько выражений, запечатленных особенной силой ума, несколько едких острот, но благополучных, которые тут же подслушиваются соседями, передаются шепотом по всем гостиным, а завтра и разносят по всей Москве, как дорогой гостинец: «Тютчев вот что сказал вчера на балу у княгини «N»...» В своих импровизированных монологах поэт пророчествовал, его речь вызвала восхищение, зависть, а порой и не доброжелательность.

Ф. Тютчев искренне считал, что писание замораживает живую мысль, написанное не может ухватить главное, ибо пишущий не способен подчинить себя страсти и мысли. Вот его суждение: «Ах, писание — страшное зло, оно как бы второе грехопадение бедного разума. Боже мой, да как же можно писать?... Приходите, садитесь и станем беседовать».

Приходится только сожалеть о том, что во времена Тютчева не было магнитофонов, которые могли бы «сохранить» голос поэта и поведать

потомкам о его энциклопедических знаниях в различных областях мировой культуры. Сын великого поэта Ф. Ф. Тютчев был вынужден признать, что его отец «... всю свою гениальность, все свои богатые дарования растратил в разговорах. В разговорах, правда, чрезвычайно умных...». Среди его друзей и оппонентов во время споров были славянофилы: И. и П. Киреевские, К. и И. Аксаковы, А. Хомяков, Ю. Самарин; западники: П. Чаадаев, А. Герцен, И. Мальцев, писатели и поэты П. Вяземский, В. Жуковский, Н. Некрасов, И. Тургенев, Л. Толстой. В Германии собеседниками Ф. Тютчева были: поэт Г. Гейне, великий философ Ф. Шеллинг, ученые братья А. и Ф. Шлегели, А. и В. Гумбольдты и др. Во время этих словесных баталий, по свидетельствам современников, Тютчев был разным в зависимости от настроения и темы полемики, но в одном он был последовательным, как политик-мыслитель — в отстаивании интересов России. Самодержавную Россию он противопоставлял «безбожному Западу». Россия у него «святой ковчег», незабываемый, о который расшибутся все народы, посягнувшие на ее суверенность. Политик Тютчев очень переживал события, связанные с поражением России в русско-турецкой войне (1853—1856 гг.). Сторону Турции поддержала коалиция западно-европейских держав. Это был, по выражению Тютчева, «заговор» против России. Тютчев задало до этих событий в ряде статей — «Россия и Запад», «Россия и Германия», «Россия и революция», в письмах друзьям и родным пророчески предупреждал о грядущих событиях. О том, что в России появляются люди, облаченные властью, сознательно стремящиеся к ослаблению России, к ее поражению. Он писал в апреле 1854 года: «Давно уже можно было предугадать, что эта бешеная ненависть, которая тридцать лет, с каждым годом все сильнее и сильнее, разжигалась на Западе против России сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал». Как православный мыслитель Тютчев считал, что Россия в отличие от западных стран всегда пыталась жить «с Богом», она не дистанцировалась от духовных традиций, опиралась на нравственный фундамент Православия.

Он искренне полагал, что без Бога, его воли ничего не происходит. Богоотступничество приводит к войнам и революциям, считал поэт. Вне веры человеческая природа имеет разрушительную силу. На этой основе он предсказал войну между Пруссией и Францией и ее последствия в трактате «Россия и Запад»:

*И целый мир,
как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко*

правду Божью

Людская кривда к бою не звала!

Дипломат и политик Тютчев советует канцлеру, своему другу М. Горчакову и другим дипломатам в своей деятельности «проникаться национальным духом». Интересно его рассуждение от 26 июня 1864 года: «Един-

ственная политика России по отношению к западным державам — это не союз с той или иной из этих держав, а разделение, разъединение их. Ибо они, только когда разъединены между собой, перестают быть нам враждебными — по бессилию... Это

суровая истина, быть может, покоробит чувствительные души, но в конце концов ведь это закон нашего бытия».

Это закон и нашего сегодняшнего бытия России XXI века. Мыслитель Тютчев верил в особое предназначение России, которой помогает Бог в экстремальные периоды ее истории. Он не соглашался с учеными и политиками, которые отвергали сверхъестественное, были рациональны во всех проявлениях жизни.

Так возражая философу Ф. Шелленгу Тютчев писал: «Вы пытаетесь совершить невозможное дело философии, которая отвергает сверхъестественное и стремится доказать все при помощи разума, неизбежно придет к материализму, а затем погрязнет в атеизме... Сверхъестественное лежит в глубине всего естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом этим жалким разумом, признающим лишь то, что понятно, то есть ничего».

Как видно из этого послания, Тютчев разошелся с великим философом Германии по вопросу о соотношении ума и сердца, последнему он придает огромное значение и идеализирует чувственное отношение к

миру. Этот извечный спор подхватили в свое время славянофилы, обвинив рационализм и прагматизм западной цивилизации, увидев во внешней благопристойности, порядке, законности, отсутствие чувства любви и душевного отношения к человеку. Политик, патриот Тютчев испытывает глубокую неприязнь к людям, преклоняющихся перед Западом, считающих западную рационалистическую цивилизацию, образчиком для России.

В письме к дочери Анне от 26 сентября 1867 года он пишет: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более само-

ми. Как завещание поэта-патриота должно служить данное стихотворение, в нем чувствуется решимость бороться против разрушителей Родины всеми доступными средствами. Тютчев пророчески писал о многих политических проблемах, с которыми столкнется Россия в XX и даже XXI веке. Он предупреждал политиков о причинах распада Союза славянских народов. Причины, указанные мыслителем, почти идентичны в его время и во время людей, живущих в XXI веке. Многие политики не желают объединения славянских народов. Противников этого объединения предостаточно как внутри России, Белоруссии, Украины, так и за рубежом. Бывший государственный секретарь США Генри Киссенджер, к мнению которого прислушиваются политики во всем мире, выразился так: «Я предпочту в России хаос и беспорядок,

гражданскую войну, но только не воссоединение ее в единое, крепкое, централизованное государство». Мало ли что «предпочитает» политик США. Россия, Белоруссия, Украина должны иметь свои стратегические, национальные интересы, а не жить и действовать с

Ф. И. Тютчев

*Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попуценьем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит неспроверженьем...
Все богохульские умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы*

*Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...*

24 октября 1854 г.

утверждается, нелюбовь этих господ только усиливается». Поэт вводит понятие «русофобия».

Эта проблема и сегодня имеет место в нашем Отечестве. Слушая господ о райской жизни на Западе и откровенную, ничем не прикрытую ненависть к России и народу ее населяющему, думаешь: «Что же держит вас, господа, в России? Сегодня есть возможность в любое время покинуть ее и зажить счастливо «за бугром», а если придет прозрение и раскаяние, то можно вернуться и быть похороненными на родном погосте. О таких людях Ф. Тютчев писал 160 лет назад:

*Напрасный труд — нет,
их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.*

*Как перед ней не гнись, господа,
Вам не снискать признанья
от Европы;
В ее глазах вы будете всегда
Не служи просвещенья, а холопы.*

Холопствование перед Европой продолжается и по сей день. Вестернизация России идет ускоренными темпа-

ми. Как актуально звучат призывы Ф. Тютчева в стихотворении «Славянам», словно написаны вчера:

*Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы, народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России — не прощают вас!*

До последнего момента жизни Тютчев сохранил память и интересовался политикой. Он умер с сознанием того, что сделал для России все, на что был способен. Незадолго до смерти великий поэт написал известные всем строки:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*

И слово, и дело Ф. Тютчева отозвались в душах и сердцах, остались в памяти миллионов людей — его читателей и почитателей — не только в России, но и во всем мире.

Станислав Ломакин.

г. Тюмень.

К. Васильев. Бой Добрыни со змеем

Александр ХАРЧИКОВ

Глум и гам над землей

Песни русского сопротивления

*Глум и гам над землей: многоликий антихрист
Легионом вошел на российский престол,
В муках бьется страна между смертью и жизнью,
И в глазах ее боль, и тоска, и укор.*

*Покоренные, мы только жалобно стонем,
Позабывши себя и природу свою,
И огромный корабль нашей Родины тонет,
Без руля и ветрил, опускаясь ко дну.*

*Захлебнулись котлы, отказали турбины,
Не взрывается винт в озорную волну,
Все кингстоны открыв, мы садимся на мины,
Прямо в бухте родной, а не в честном бою.*

*По советам чужим сами мы утоляли
Жажду злых перемен подзаборной водой,
Сами рвали концы и орудья клепали,
Сами кляли себя и братались с бедой.*

*Разбежалась во тьму, скрылась в трюме каманда,
Безразличье и страх оковали ее,
И пустая в бачках остывает баланда,
И унывный мотив режет сердце мое...*

1994

Спасемся и выйдем на верную дорогу!

Обращение к русскому народу

Русские! Нас в России 120 миллионов. Мы — огромная сила. Вот почему нас сейчас стараются разьединить и, следовательно, уничтожить как нацию. Если нет соборного единения — нет Святой Руси, нет будущего у русского народа. Объединенные, мы страшны нашим недругам. Заглянем в свое прошлое, близкое и далекое.

На заре своей истории мы создали цветущее государство — Землю Русскую, которая была «ведома и слышима всеми концы земли». Это государство созидалось нами вместе с другими народами южных степей и Прибалтики. С тех пор наше государство было и остается многонациональным. В нем нет господствующей нации, а есть союз народов, ведомый русским народом по обрывистому историческому пути.

Мы прошли через века тяжких испытаний. Победили нашествие кочевников, «бесчисленных, как морской песок и степной ковыль». Отстояли свою независимость в Смутное время. Построили и сохранили вплоть до конца XX века великую державу, которая являлась формой бытия российских народов, мощным заслоном от угроз извне.

Русские! Неисчислимые испытания и муки, взлеты и падения выпали на нашу долю в XX веке. Первая мировая война, Февральский переворот и Великая Октябрьская социалистическая революция. Разруха и голод, иностранная интервенция и гражданская война. Коллективизация и голод начала 30-х годов, репрессии. Великая Отечествен-

ная война, возрождение державы и прорыв в космос. Губительная перестройка, удушающие простых людей либерально-демократические «реформы». В мире нет такого народа, который вынес столько трудностей и лишений в столь сжатое историческое время. Мы вынесли! Что получили мы в благодарность от власти «демократов» за нашу стойкость? Дико, но факт: в мирное время нас «сокращают» на миллион ежегодно. При длительном характере такой политики властей мы потеряем страну, которую собирали тысячу лет тяжким трудом, потом и кровью многих поколений.

Сегодня против всего русского в экономике, политике, быту идет беспощадная атака. У русских отнимают не только заводы и фабрики, но и землю, наши духовные ценности. По радио, телевидению вы не услышите русской песни, не увидите сцены из русского спектакля, не услышите чтеца произведений замечательной русской классики, проповедующей добро, святость, служение Отечеству. Вместо этого на народ выливают ядовитые разноцветные помои развлекательной буржуазной культуры, в недрах которой лежат зло, насилие, секс, равнодушие к святыням, святотатство.

В наших радениях о судьбе русского народа мы уповаем на помощь православной церкви, политических партий, на поддержку общественных организаций и профессиональных объединений, всех братских народов, которых собрали русские в единое Великое государство.

Мы сообща должны добиваться, чтобы слово «русский» вновь входило в жизнь как русский гений, русский герой, русский подвижник, а не в мерзкое клише «русский фашизм», с помощью которого пытаются затоптать, забить любое проявление национального самосознания.

Русский историк В.О. Ключевский говорил:

«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».

Вывести нас на прямую историческую дорогу может только организованная сила. В нынешних условиях такой силой является Коммунистическая партия Российской Федерации — партия национальных и государственных интересов. Другой такой партии у нас нет. Как нет и времени ждать ее появления.

Сегодня, лишь объединившись вокруг КПРФ, можно добиться успеха. Наши предки говорили: с нами Бог, и мы победим! Мы, их сегодняшние наследники, утверждаем: мы за справедливость!

**За нами правда, и мы победим!
Отечество в опасности!
Русские, соединитесь!**

Геннадий Зюганов.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

Пушка Ермака

Отрывок из романа «Клятва Тояна»

А на Николу Зимнего¹ прибыли из Тобольска боярский сын литовского списка Иван Поступинский в товарищах с десятиком Ларкой Сысоевым. Они доставили церковное строение, антиминс², священные книги и храмовую икону Живоначальной Троицы, списанную с доски святорусского иконника Андрея Рублева. Передавая все это попу Агафону, Поступинский особо подчеркнул, что икона — подарок самого государя. Ею Годунов новопоставленный город жалует и надеется, что святыня эта покровительницей ему во веки веков будет.

— А не рановато ли ты, Иван, с церковным строением к нам явился? — спросил Поступинского Кирила Федоров, когда они в съезжей избе уединились. — Храм-то еще не поставлен, а в часовне тесным-тесно.

Знакомство у них давнее: из Москвы до Тобольска Кирила под началом Поступинского в обозных дьяках шел, а дальше до Сургута вместо него обозным головой сделался. Оба по чину — дети боярские. Делить им нечего. А это сблизяет.

— Время нынче заполошное, — не стал вилять Поступинский. — Самозванец Димитрий с большим войском на Русию надвинулся, вот и велел государь все делать сразу, на потом не откладывая. В тесноте, да не в обиде.

— И что же Димитрий? Далеко зашел?

— Да уж не близко. Пока севрюков баламутит, но круги от этого далеко расходятся. Подробней у воевод или у попа Агафона узнай. Им из Казанского и Патриаршего приказа о том особо писано. Я по другому делу здесь. Церковное строение и Троицу в Томской город попутно завез, а сам в товарищах с Баженом Костянтиновым дальше к Обаку с посольством следую. Для тебя у меня только роспись пашенных крестьян, что весной придут, да прочие мелкие бумаги есть.

— А ну-ка покажи роспись крестьянам. Значится ли в нем Павлусь Абросима? Баженка Костянтинов измаялся, любой весточки о своей невесте дожидаясь. Она дочерью этому самому Павлусю приходится.

Вместе они просмотрели роспись и сошлись пальцами на строке: Павлик Абросимов с семейством.

— Ишь, грамотеи, — усмехнулся Кирила. — Хохлянца в кацапа переделали. Хорошо хоть узнать по сходству можно... Вот Баженка обрадуется, когда я ему этот лист покажу, — и снова вернулся мыслями к Троицкой иконе: — Гляди, как совпало: Троицу ты ни раньше, ни позже, а именно на Николу Чудотворца привез. У меня как раз добрый настой созрел — кедровые орехи с медом на зуштинской араке. Крепкое вино. Давай по такому случаю поникольничаем? Ты, да я, да Беженку Костянтинова с атаманом Гаврилой Ивановым позовею...

— Да Ларку Сысоева, — подхватил Поступинский.

— А Ларку зачем? Он человек сторонний — с нами в Эшуру не шел. Томского города не ставил. Замешается, как огурец в яблоки. Лишнего слова при нем не скажи.

— А ты и не говори. Мы ведь по дружбе посидеть собираемся, от службы отдохнуть, свое вспомнить. Не хватало нам на то, как цари меж собой местничают, отвлекаться. У них своя правда. Вот и чур нас на этом. К тому же Ларка — казак старой сотни. Слышал о такой?

— Это которая зубы на ясачной службе съела?

— Это которая с Ермаком на Дону казачить начинала, а после на Волгу да на Яик ушла и на сибирском взятии отличилась — взгляд Поступинского сделался строгим, назидательным.

— Вот как Гаврилушка Иванов, которого ты только что упомянул. Где он, там и Ларка лишним не будет. Да и мне Сысоев не чужд. Твоя воля — звать его к себе на вино или не звать, а только старый конь борозды не испортит.

— Так бы сразу и сказал. На нем не написано, что он конь Ермаковской выучки. Мне даже любопытно стало, каков Ларка в близком общении... Одно в толк не могу взять: как это он — при его-то заслугах — в десятичниках застрел? За двадцать лет мог бы и выше подняться.

— Не всем казакам в атаманах ходить. Кому-то и ниже страдничать надо.

— Разве я про всех говорю? Про тех только, кто Сибирь брали. Будь моя воля, я бы всю старую сотню, о которой ты говоришь, атаманской сделал. Всю? Опыт дороже денег.

Ларка Сысоев и впрямь шумливым сотралезником оказался, занозистым, своенравным. Атаман Гаврила Иванов его Костюрей по прежней наметки стал называть, что значит строптивый, неуживчивый человек, сквернослов. Эх, как Ларка на него обиделся: какой-де я тебе Костюря? что было, то сплыло! проглоти и забудь?

Эта дружеская перебранка Кирилу на забавную мысль навела: Иванов и Сысоев — два сапога пара, просто каждый пошит на ногу разного размера. Одно из двух: либо дружина Ермака несхожие ноги имела, либо несхожие головы. Самое время о ней поподробней разузнать, а то ведь Кирила рядом с Гаврилой Ивановым, который месяц дьячит, но до сих пор так и не удосужился его о сибирском взятии расспросить, о Ермаке, о Кучум-хане и прочих давностях. Вот и спросил, где и по какому случаю у Гаврилы и Ларки первое застолье было?

— Ну, это еще на Яике при покойном государе Иоанне Васильевиче случилось, — отер губы ширинкой Иванов. — Всякий дом потолком крыт, всякий казацкий курень своим атаманом. Потолков у нас тогда хватало, да-а-а-а, а вот общего дома, увы, не было. Вот и сошлись на большой казацкий круг, стали думать, которому из атаманов свою судьбу поручить. Ларка за Ивана Кольца кричал, я за Ермака Тимофеевича, трети за Микету Пана, четвертые за бурлацкого гусака Матвея Мещеряка, пятые за Черкаса Александра. Вышло атаманствовать Ермаку. У него и силенки поболее, и выдержки, и разумения. Ну а после братчину, как водится, устроили, погуляли для пущего единства.

— И ты это называешь погуляли? — презрительно фыркнул Сысоев. — Так, губы обмочили... Слов нет, Ермак Тимофеев всем атаманам атаман оказался, царствие яму небесное, но в тот раз у казаков на его сильная обида вышла: пошто раньше времени братчину порушил?

— По то и порушил, что спешить надо было. Да-а-а-а. Ведь на том же круге всем миром присудили, не мешкая, в Пермские земли по присылке Максима Строганова подавать. На него пельимский князь Аблегиризм с вогуличами и стар-

¹ 6 декабря

² Шелковый плат с частицей святых мощей, освященный епископом

ший сын Кучум-хана Алей, запечный гость, войной тогда приходили. А путь до Чусовских городков не ближний: с Яика на Иргиз переволоку сделать надо, по Иргизу-реке в Волгу спуститься, а уж Волгою на Каму к Строгановскому Кергедану плыть.

— Кольцо предлагал на Азов против турок и крымчаков двинуть. Микита Пан за Пороги звал. Матвей Мещеряк не хотел из Дикого поля уходить. Сколько по тому полю хожено-перехожено: от Мещер до Ширванского царства в одну сторону, от Яика до Черкас — в другую! Есть где по грехам нашим спрятаться, есть где покормиться. А на Перьми горы да болота. В них, как в западне: туда зашел, а оттуда выйдешь ли? Лешее место. Но даже-ть ж в энтот дело. О Строгановых худая слава шла: мироеды. Запустил их царь, как козла в огород, на двадцать лет льготу дал: никаких податей с их на это время не брать — ни ямских денег, ни ямчужных, ни с городского дела ни с посошной службы, ни с рыбных ловель, ни с охот, ни с торьгового товару — лишь бы с соли в опричную казну какой-никакой доход давали. Вот они по всему свету и расселись. На Белом море у их торг с немцами, на Двине — судострой, в Москве, в Вологде, в Калуге, на Устюге и прочих городах — торговые лавки. Суд свой. Варьничких и промысловых людишек до крайности довели. Ты, Гаврила, как хочешь, а я тогда говорил и сейчас повторю: поделом, ежели вогуличи, с теми же сибирцами Алея Кучумханова соединяшь, спесь маленько со Строгановых собьют. Советовал не спешить в хомут к ним запрягаться. А мы бы тем временем свое догуляли. Да Ермак уперся.

— Он своему слову хозяин. Сказал — сделал. Не то, что твой атаман Кольцо. Он ведь на круг как Илья-Громовник заявился: вставай, братия, хватит жить нехотя, поделаем струга и айда перевозить души с того света на этот!

— Ты Кольца лучше не замай, Гаврила, и братию к своим выдумкам не приплетай, не то я тебе скажу, чем вольный казак от того, что ходит в наймы, отличается.

— Ну чем?

— Он со своего голоса поет.

— На это другая присказка есть: тем рогом чешись, который достанешь.

— Я что-то в толк не возьму, о каких наймах речь? — озадачился Кирила. — И про рога тоже...

— Это он намекает, что Ермак нас, своих казаков, под Могилев против Стефана Батория по зову Иоанна Васильевича водил, и мы там хлебное и денежное жалованье имели, — объяснил ему Иванов. — А в то же самое время Иван Кольцо с Микитой Паном на Волге под Сосновым островом ногаев погромили. А с теми ногаями возвращался к Москве царский посланник Василий Пелепелицын. Он-то и нажаловался государю, что своими глазами видел, как разбойные казаки над мирными ордынцами самосуд учинили, а его, Ваську Пелепелицына, сняли с коня и с простой головой прочь прогнали. Имена назвал, приметы. Тем же летом вольные казаки Сарайчик сожгли — ставку Большой Ногайской Орды. Стали разбираться: кто виноват? Да Кольцо с Паном и виноваты. Так я излагаю, друг Ларка?

— Излагай дальше, да не забудь сказать, что мы ногаев не просто так погромили, а за их предательство. Пелепелицын-то в Сарайчик за тем ездил, чтобы ихнего князя Уруса против Речи Посполитой ополчить. Да не вышло. Пока Иоанн Грозный победами над Казанским и Астраханским царствами гремел, пока с ляхами и Великим княжеством Литовским с высоты своей царьской говорил, Урус у себя в норке тихо сидел, не высывался, а как только Стефан Баторий в Ливонской войне Грозного попржал, ногаи кинулись Темников, Алатырь и другие русские городки зорить. Теперь представь: в Низовских землях стон стоит, ногаи Москву в спину ножом бьют, а трижды гад Васька Пелепелицын с Урусом дружеские беседы разводит. Но тут гонец из Москвы прискакал: Боярская-де дума дозволяет нам, поволжским казакам, тех ногайских людишек, что с полоном от нас пойдут, промышлять всяким боем. А мы и так уже серьцем сорвались,

без боярских дозволений! Вот Урус и отправил Пелепелицына вдругорядь отношения с Грозным-то налаживать, будто ничего меж ими и не было. А в сопровождение этому гаденышу Ваське триста ногаев дал. Как, скажи, их было не побить? Пелепелицын ни жив, ни мертв перед нами стоит, а все равно ногами топает: это-де вы, разбойное мужичье, Москву с Сарайчиком своим невежеством и самоуправством ссорите, посольских премудростей не разумеете! Царьскими карами стал грозить. Жаль, мы его с ногаями вместе тогда не порубили. Не стал бы посла этого Иоанну Васильевичу разными вздорами уши засорять. Ведь допреж того государь к нам благоволил, понимал, что без вольного казака ему дальние украини не устеречь, и вдруг — на тебе! — вину за свои неудачи на нас положил. Ну совсем как в той быличке, когда Владимир-князь стольно-киевский своего казака Ильюшу Муромца по гневу неразумному в холодный погреб посадил. Вот и не стало кому за веру, за отечество, за церькви соборные постоять. Вот и посыпалось у Грозного всё из рук. Там Ливонию Речи Посполитой отдал, там луговая и горная черемиса у него сбунтовались, там ногаи из подчинения вышли, там Пермь с Югрой... Даже хан Кучумка до того осмелел, что своего наследника, как гончего пса, на Пермь Великую натравил. Это ли не урок царю да и всем нам заодно?

— Ну и к чему ты всё это ворошить взялся? Моя ж присказка о другом была.

— Дойдет очередь и до твоей присказки, Гаврила... С вольными казаками всё ясно: по стечению случаев мы к царю в опалу попали. А вы? Стоило Москве с Короной Польской замириться, и вы ему не нужны стали. Надо куда-то пристраиваться, вот и согласились идтить к Строгановым в Чусовские городки. Выходит, и вам пришлось тем рогом чешаться, которые себя достанешь? Я это не в укор тебе говорю, а справедливости для. Судьба нас в одну кучу сбила. С ей не поспоришьси. На том кругу Ермака Тимофеева сажей из артельных котлов мазали, в атаманы ставя, ему желали быть чештьным, как земля, непреклонным, как огонь, твердым, как казацкая дружба. А ведь могли Ивана Кольцо выбрать. У его рога поострей и покруче. Как бы тогда чешаться пришлось?

— Ты вроде как жалеешь, что не Кольцо атаманом стал?

— Первое время и вправду жалел, а после нет. Кольцо нас навряд ли в Сибирь повел ба. Мы же-ть тогда о ей и думать не думали. Одним днем жили. Зимой и летом на подножном корму. Без места. Наудачу. А тут новый человек, новые порядки, новые мысли. При нем дело спокойней пошло. Как встанем, так грянем: «Ох ты гой еси, Батюшка наш Иисус Христос!». А Ермак Тимофеев и добавит: «Не гулять страждем, а потрудиться!». Следом распоряжения дает: молодой — на службу, старый — на совет. Мы и рады стараться.

— А Дружина Юрьев из каких казаков будет — из вольных или служивых? — любопытствовал Баженка Костянтинов.

— Из гулящих людей он, — с охотой откликнулся Сысов. — Крепость на себя в солевары дал, а тут мы... Энто уже на Чусовских городках было. Ну мы его и оказачили. Норовом-то он ого-го-го. Еще тогда видно было, что в атаманы выбьется. Ты, Гаврила, не обижайся, но Юрьев не тебе чета. Ты старанием берешь, а он удалю. Уж я-то знаю. Мы, чай, с Дружиной на Москву вместе ходили — царю Сибирью ото всего круга, челом бить. Старшаком у нас тогда Черкас Александр был. Так он тоже среди других Дружину выделял. И Ермак Тимофеев.

Кирила давно наполнил кубки.

— Ну вот, — оживился он, — пришло время за казацкую дружбу по чарке опрокинуть да за наперстников Ермака Тимофеевича. Они у нас тут, как Никола-Угодник с Ильей-Громовником сошлись...

— Или как Ермак с Кольцом, — благодушно вставил Поступинский. — Ну да Никола не привередлив. Он и не таких неуживчивых наперстников единит, — и мелкими глотками, щурясь от удовольствия, выцедил кедровую настойку.

— А помнишь, Ларка, как ты в перегонное вино волчьей желчи добавлял? — весело хлопнул по плечу Сысоев Иванов. — Чтоб глаза от горечи на лоб лезли, а в голове дикий шум стоял, а?

— Чем врать, лучше скажи, когда это было? — обиделся тот.

— А когда мы Кучум-ханова наследника Алея на Чусовой побили. Максим Яковлев сын Строганов на радостях велел нам питейного меду выставить, а Ермака затинной пищалью пожаловал. На стволе у ней надпись была. Я ее как сей час помню: в граде Кергедане на реке Каме дарю я, имярек, атаману Ермаку лета 7090¹ сию пушку. На дворе август кончался. А ты, сукин сын, на том пойман за руку был, что мед животной нечистью загорчал. Дело давнее, так зачем отпираться?

— Не сучись, Гаврила, ежели в честном обьестве сидишь, — укорил его Сысоев. — Так оно было, да не так. Я же-ть в ту бочку желчь спустил, из которой Васька Пелепелицын пить должен.

— А Пелепелицын откуда взялся? — в один голос удивились Кирила и Баженка Костянтинов.

— Из Чердыни! — в один голос ответили Иванов и Сысоев.

— Его туда государь воеводой сослал, — пояснил Иванов. — Чтобы под ногами после шашней с ногами не путался. Да-а-а-а. Вот и угодил Пелепелицын из одного пекла в другое. Там ордынцы озоруют, здесь пельымские вогуличи, черемиса, башкирцы. Пришлось ему у Строгановых помощи просить. Им-то Иоанн Васильевич дозволил человек двести ратных людей со всяким оружием с Пермских волостей для защиты Чусовских городков собрать, да где на том малолюдье подходящие силы найдешь? Ну и пришло Строгановым в голову зазвать нас к себе под видом тамошних людшек. А Василий-то Пелепелицын, едва Ивана Кольца с его молодцами увидел, хитрость ту раскусил. И стал он Строгановых стращать: вы кого прячете? это же волжские казаки, разбоям которых я сам свидетель! их государь словить велел? вот я ему пожалуюсь! Пошумел для острастки, а после на мировую повернул: я-де и промолчать могу, коли вы мне Ермака со товарищи под Чердынь послужить пришлете. И ведь нажаловался царю. Да-а-а-а! Но это мы после узнали. А в тот день медку попили, обночевались я давай себе в сибирскую вылазку собираться.

— Вот я и говорю: трижды гад Васька Пелепелицын! — поддержал его Сысоев. — Такого и отравить не жалко. Невелика потеря.

— Бог с ним, с Пелепелицыным, — вспомнил о своих хозяйских обязанностях Кирила. — Мы еще пушку Ермака не обмыли.

— Хороший застрельщик из тебя получится, — подмигнул ему Сысоев. — Третья чарька — самая вещая. Коли ты ее добрым словом зарядишь, она ромашками да васильками выстрелит.

— А ну?! — подняв кубки, заулыбались гости. — И впрямь вещая.

Затем все приумолкли, занятые угощением.

— Слышь, Гаврила, — вдруг спохватился Поступинский. — О какой это вылазке ты упомянул?

— Сказал же: о сибирской. Когда еще Кучум-хана из Искера² выколупивать было? — удивился Иванов. — Он все свое войско в набег Алею отдал. Да-а-а-а. Отборные уланы, один к одному, не то что ясачные остяки и татаре. Ну чистые ордынцы. Мы их у Чусовских городков изрядно погромили, но не до смерти. Вот и подались они к Соли Камской и дальше на север, чтобы хоть чем-нибудь поживиться, лицо перед Ку-

чум-ханом не потерять. А Ермак призадумался: что если в это самое время на Искер сбежать? Кучум его у себя на Сибири не ждет, да и зашита у него осталась ненадежная.

— Ничего себе, сбежать, — хмыкнул Поступинский. — От Камы до Тобола на Иртыше не ближний свет, да еще через Камень, да еще на сентябрь глядя?

— Нешто мы хуже Алея по рекам ходим и через Камень лазим? — удивился его непонятливости Иванов. — Да и не с руки сибирцам защищать Кучума было. Ведь этот бухарец самородных правителей Едигера и Бекбулата силою с ханства скинул, дружбу Сибири с Москвою порушил, здешние народы в обиды ввел. Для них он такой же примерно самозванец был, как для нас Гришка Отрепьев, который под царевича Дмитрия Иоанновича рядится.

— Ты, Гаврила, говорить говори, а Дмитрия Иоанновича не трожь, — заиграл ноздрями Сысоев. — По мне дак он трижды царевич?

— То у тебя Пелепелицын трижды гад, то Отрепьев трижды царевич, — вспетушился и Гаврила Иванов. — Как носило тебя от берега к берегу, так и сей час носит. Головой пора думать, а не стенами. Разберись сперва, для чего вдруг Дмитрий из мертвых выскочил... Вечно у тебя во рту калина, а в носу малина!

— Я сказал: царевича Дмитрия не трожь! Ты в него не веришь, зато я верю.

— Хватит вам, как старик со старухой на зиму печку делите, отцы, — почувствовав, что молчание затянулось, вновь наполнил кубки Кирила. — Лучше объясните толком, сам ли Ермак на Сибирь вас повел или его Строгановы сговорили? Я об этом всякое слышал.

— Нешто у Ермака своего разумения не было? — усмехнулся Иванов. — При Едигере и Бекбулате Иоанн Васильевич не только самодержцем всея Руси звался, но и государем царства Сибирского. При Кучуме про это многие забыли. Только не Ермак Тимофеевич. Да-а-а-а. А тут случай подвернулся одним махом всё на свои места вернуть. У государя помощи не попросишь — далеко он да и не в том настроении. Пришлось у Строгановых одалживаться — у Максима Яковлева и Никиты Григорьева да у их дядьки князя Семена Аникиевича. Богатство, скажу я тебе, Кирила Нечаевич, дело раздорное. Вот и у Строгановых лада меж собой не было. Жадность их обуяла. На людях заодно старались казаться, а внутри себя на ножах жили. Еще Пермские земли прожевать не успели, на Сибирские их потянуло. Однако ж когда Ермак Тимофеевич о вылазке на Искер речь завел, Строгановы сильно усомнились: сможем ли мы своими силами с Кучумом справиться? У нас-де пять сот человек с небольшим набралось, а под Кучумом многие тысячи. Но и терять Строгановы ничего не теряли. Да-а-а-а. К тому же после угроз Пелепелицына надо было им подальше от себя нас спровадить. Вот и повернули они дело по-купецки: коли удастся нам одолеть Кучума, то за все припасы, что мы у них взяли, обязуемо! вернуть с лихвой. Ну и заслуги перед государем само собой общими будут.

— А взяли-то мы у них только корма да одежонку какую-никакую, — не утерпев, вставил Сысоев. — Ручниц и пороху у нас и своих в достатке было. Чай, не голь перекатная. И струги свои. Это степной казак на коне вырастает, а волжский или яицкий — на каторге да на струге. Из конца в конец света на них летали, лишь бы речной путь был. А с Камня-то реки, слава Богу, в обе стороны текут. Не дальняя дорога то ним в тягость, а крутой перевал.

— Вот я и говорю, — как ни в чем ни бывало продолжал Иванов, — Ермак Тимофеевич со всех сторон дело прикинул, Строгановы ему не указ. У него своя голова на плечах. Кабы такую голову первому воеводе государевых полков иметь, никакой бы Гришка Самозванец на русскую землю со своими ляхами не пролез.

г. Томск.

¹ 1581 год.

² Столица Сибирского ханства; сходилась в 15 верстах от современного Тобольска; другое ее название Кашлык.

ДОБРАЯ ДУША

Так, мне кажется, наиболее точно и полно можно определить как характер поэта Виктора Жорника, так и его творчество — добрая душа. Добрая душа — как в прямом, высоком смысле, когда человек, несмотря на все гримасы нашего странного времени, сохраняет в себе доброту, отзывчивость, чуткость, не теряя человеческого облика, так и в расхожем смысле — как наивность и доверчивость, даже некая неискусшенность. Кажется, зло этого мира не трогает и не задевает его. Или это остается в каких-то неведомых глубинах его души.

Родился Виктор Михайлович Жорник на Кубани, в станице Старотиторовской в 1934 году в казачьей семье. Детство прошло в местах, где в годы Великой Отечественной войны шли ожесточенные бои. В живых он остался случайно. Испытал все — голод, холод, одинокое существование. После окончания семилетки учился в мореходной школе, работал судовым механиком на Черном и Азовском морях. Служил в армии. После окончания Кубанского сельскохозяйственного института в 1962 году работал инженером, преподавателем в техникуме и автошколе. И всегда писал стихи. Первые публикации стихов относятся к 1957 году. Творческий путь поэта оказался поистине тернистым. Первая его книга стихотворений «Свет добра» вышла лишь в 1983 году в Крыму, в издательстве «Таврия», когда автору было уже под пятьдесят...

Сказалось тут, видимо, то, что автор, давно перешагнувший самостоятельный уровень, не сделал в свое время решительного шага, чтобы перейти если не на редакторскую работу, то в журналистику, оставаясь причастным к литературе как бы со стороны. Может быть, довлекло и распротраненное на Кубани отношение к писательскому труду как делу не вполне серьезному. Но главное все же, думается, состояло в том, что пробиться к читателю в те времена одаренному человеку из провинции можно было только через Москву, и для этого надо было обладать талантом очень уж несомненным и ярким, как В. Шукшин, как Н. Рубцов, который уже было невозможно замолчать и спрятать... Во всяком случае, Виктор Жорник долгое время оставался вне литературной среды, хотя выступал со стихами и выпускал книги. Впрочем, это, может быть, и уберегло его самобытное дарование от расхожих фетишей, столь распространенных в среде литературной. И только в конце девяностых годов, когда литература в России вдруг стала делом «частным» (подумать ведь только!), в Ульяновске вышли его солидные книги «Вечный свет», «Прозрение», «Покаяние». Он пришел к своему читателю и с удивлением обнаружил, что наступили времена нелитературные. Но это побудило его не подстраиваться под сомнительную потребу дня, но, наоборот, утвердиться в своей правоте и безропотно принять извечную участь поэта.

Несмотря на такую отстраненность от литературной среды, он с юных лет уверовал в магическую силу слова. Да и как было в нее не уверовать, если его первое выступление в газете касалось дела вполне конкретного и зримого. В отцовском доме в станице Старотиторовской он жил на улице Кладбищенской. И вот он выступил в газете с предложением о переименовании столь траурной улицы. Это получило огласку и всеобщее одобрение, и улица была переименована в Широкую. Кстати, на этой улице, после долгих скитаний по свету, он живет и теперь. Может быть, с того давнего случая Виктор Жорник и поверил в неоспоримую силу слова, в его магическую способность преображать мир.

Виктор Жорник — поэт в добром смысле традиционный.

Он работает в лучших традициях русской литературы, то вдруг воскрешая уже забытый жанр лирической драмы на исторические сюжеты (о Сократе и Сковороде), восходящей к Ап. Майкову, то обращается в стихах к конкретным, даже бытовым ситуациям, в которых ему удается рассмотреть высокий смысл, как это делал разве только Дмитрий Кедрин. И в то же время нельзя сказать, что он лишь бытописатель, реалист, что почитается в литературной среде чуть ли не дурным тоном. Нет, он поэт, охватывающий всю сложность и неустранимую трагичность бытия:

*Сколько жить суждено мне — не знаю.
Вечерами во двор выхожу,
Звездный мир, как дитя, созерцаю,
Во Вселенскую душу гляжу.*

То, как поэт представляет и постигает мир, ничем незаменимо. «Земная незримая сила» Виктора Жорника так же, как и «таинственная сила» Николая Рубцова, — самое непостижимое, с точки зрения позитивиста, самое «лишнее», но вместе с тем — самое необходимое и драгоценное.

*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом.
И, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!*

Примечательно, что утрата «таинственной силы» в рубцовских стихах равносильна утрате Отчизны, России и воли — творческой воли в ее пушкинском понимании, без которой человек перестает быть существом разумным и по природе своей духовным.

Виктор Жорник постоянно обращается к истории. Может быть, это определяется тем, что его родина таманская земля, древняя Тмутаракань, известная по «Слову о полку Игореве», с истоком русской святости. Но главной особенностью творческого мира Виктора Жорника является его какая-то удивительная непосредственность, кажется, сегодня в литературе и вовсе утраченная, неременная для поэта первородность открытия мира:

*Почему мы так строптивы,
Рвем порою дружбы нить?
Каждый должен быть счастливым,
Каждый мудрым должен быть.*

Он относится к замечательной плеяде русских писателей, теперь уже немислимой, вызревшей и состоявшейся в советский период нашей истории, но в которую он вошел по ряду причин сравнительно поздно. Он — истинный поэт, причем поэт именно русский. И не только по языку, но и по тому, как он гордо несет имя поэта с какой-то даже торжественностью в то время, когда литература, традиционно выражающая самосознание народа, вдруг оказалась по сути изъятой из общественного сознания:

*Уходят снобы и цари,
Ни памяти о них, ни славы.
Поэт и мертвый говорит —
И внимлет голосу Державы.*

В этом трепетном и бережном отношении к самому поэтическому имени тоже сказались его добрая душа, которую он сумел сохранить, пронеся ее через все испытания трудного, выпавшего ему века. Наконец, он отзывчив ко всякому истинно поэтическому слову. Так, он составляет и издает трогательную книжку стихотворений известной актрисы теат-

Виктор ЖОРНИК

9 Мая 1945 года

*Раскаты гром будил над миром рань,
Победные салюты грохотали.
А мне в тот день запомнилась Тамань,
И флаги, что над степью трепетали.*

*Они неслись по воздуху, неслись
В руках людей, на бричке бригадира.
Все это означалось словом: ЖИЗНЬ!
Природа ликовала: ПРАЗДНИК МИРА!*

*И я, мальчишка, по степи бежал,
Бежал, земли не чуя под ногами,
Не верилось: не засвистит металл
И черный дым не полетит клубами.*

*Не верилось, что можно мирно спать,
Что мы окоп наш на дворе зароем.
Меня встречая, улыбалась мать:
— Мы выжили, сыночек... Мы — герои...*

1985

Пока я жив...

*Пока я жив — бессмертен я, конечно,
Об этом спорить, видно, ни к чему.
Вот этот сад цветущий будет вечно,
В нем птицы будут славу петь ему.*

*И неба синь — изнеженное чудо —
В твоих глазах не сгинет никогда.
Малыш Мадонны Рафаэля будет
В твоих руках, пока я жив, всегда.*

*Пока я жив, пока дышу, я верю —
Злу на земле, неправде не бывать.
Я жизнь свою мгновениями мерю.
Мгновение — ему лишь Вечность — мать.*

*Бываю я и праздным, и беспечным,
Бывает очень трудно одному.
Пока я жив — бессмертен я, конечно,
И сердце освещает ночи тьму.*

1998

* * *

*Не воровал и не писал доносы,
Перед начальством спинушку не гнул.
Но многие житейские вопросы
Не высмеял жестоко, как Катюлл.*

*Не торговал ни словом, ни строкою,
На шумных сборах не кричал: «Ура!»
Один вопрос мне не дает покоя:
«А сколько сделал людям я добра?!»*

1990

*

ра и кино, рано ушедшей из жизни Натальи Ченчик, снявшей в кинофильмах «Место встречи изменить нельзя», «Военно-полевой роман» и других («Степной цветок», Феодосия, Издательский дом «Коктебель», 2002 г.).

Виктор Жорник долгое время жил в Крыму, в Феодосии. Его непосредственность проявилась и в том, что он все-таки вернулся на родину, в свою станицу Старотиторовскую, в отцовский дом. Естественно, все оказалось далеко не так, как ему виделось, мечталось и грезились вдали от родины, — и время ушло, и, главное, жизнь неузнаваемо изменилась. Это откликнулось в стихотворении, посвященном братьям:

*Мы говорим на разных языках.
Первоначальный дух родства утрачен.
Наш долг любви России не оплачен,
И потому на сердце — грусть и страх...*

И все-таки он вернулся на родину, нашел свое место в новой жизни, руководит районным литературным объединением «Лукоморье», редактирует газету «Тамань литературная».

Общаясь с Виктором Жорником, я забываю о его возрасте. Не могу поверить, что поэту исполняется семьдесят лет...

В этой своей непосредственности Виктор Жорник, как и всякий поэт, уязвим и беззащитен пред алчным, потребительским образом жизни, принижающим и унижающим человека. Но в этой беззащитности и состоит его сила. На этой наивной простоте и вере мир только и держится.

*А за окнами — грохот и свалка,
а за дверью — проклятья и вой.
Этот мир почему-то мне жалко,
я стою за него головой.
Вновь на ветке щебечет синица,
Вновь подсолнух цветет у плетня.
Этот мир в моем сердце хранится,
Этот мир убивает меня...*

Видимо, над каждым поэтом довлеет утилитарный искус «современности». Но, как отметил А. Блок, несовременного искусства не бывает. На поверку же временем оказывается, что дух эпохи и народа постигает и сохраняет, то есть остается поэтом, не тот, кто порывался в «современность» из соображений прагматических и впалой соблазны этого мира, а тот, кто следовал преемственности и традиции, без которых литературы не бывает. В конечном счете, благодаря таким немногим добрым, чутким, непосредственным и наивным людям, а не бунтарям с гипертрофированным самонадеянием и душой, подпаленной эгоизмом, и происходит цивилизованное устройство нашего бытия.

Петр ТКАЧЕНКО.

От «Тюмени литературной». Шестого января с. г. многолетнему другу нашего издания, истинному русскому поэту, доброму другу нашему, казаку-таманцу Виктору Михайловичу Жорникову исполнилось семьдесят лет. Сердечно поздравляя поэта с высоким юбилеем, желая новых творческих достижений и крепкого здоровья, отмечаем еще одну заслугу Виктора Жорника: его усилиями, добротой и отзывчивостью наша суровая по климату земля Тюменская приобрела прочную связь с Таманью, омываемой двумя теплыми морями — Черным и Азовским. Упрочились и литературные связи с литераторами Краснодарья. К поздравлению «Тюмени литературной» присоединяются и другие друзья-поэты тюменцы, которых у Виктора Михайловича не мало. С юбилеем, поэт! Так держать, казак!

Николай Денисов.

Депутатам патриотического блока

Господь услышал наши молитвы. Посмотрите, как только закончились эти госдумские выборы, наступило умиротворение в природе, пошел легкий чистый снежок, украшая нашу настрадавшуюся от истерически-ядовитых телевизионных миазмов Москву и, как что-то непристойное, по-хозяйски заметая ту грязь, которую намесили за это время оголтелые демократы. Это хороший знак. Какой плач на реках Вавилонских они устроили, какой траур развешили! Какая злоба и ярость была у них, когда узнали свой приговор, дорого стоило посмотреть в это время на разъяренного Чубайса! Когда объявили, что в Думу не прошли «яблочники», «хахимады» и прочие их «хихи» и «хахи», показалось, что день стал светлей и воздушчище. Хотя успокаиваться пока рано.

Чубайс предостерег: «мы проиграли сражение но не проиграли войну». Этого нельзя забывать, они не складывают в колчаны свои отравленные стрелы.

Здесь они обязательно используют и теракты и проч. выгодные для них, но трагические для нас события и инциденты, чтобы морально запугать нас, ужесточить гнет режима, узаконить геноцид русского народа, усилить борьбу с зарождающимся национально-освободительным подъемом и, чтобы он не перешел в движение, задавить его в зародыше.

Понятно, что в Думе предстоит жестокая борьба, нашим депутатам-патриотам противостоит целая «демократическая» армада, имя которой легион, оснащенная самым современным информационным оружием, баснословными капиталами и заморскими мускулами. Уже судя по тому, как проходили выборы и какие уловки, средства и силы были брошены, чтобы победили «единороссы», можно представить, что будут вытворять господа олигархи, чтобы удержать свою прозападную власть и дальше...

И требовать надо не только ухода в отставку Чубайса, а судебного разбирательства над всеми, кто привел народ к физическому вымиранию, исчисляемому в шестизначных цифрах человеческих жизней в год. Чубайс пошутил, что у него жизнь в полосочку. Надо помочь ему увидеть ее в клеточку, и не только ему.

Одной социальной программой даже самой замечательной, Россию не спасти, нужна прежде всего программа духовная. Поэтому так же необходимо поставить вопрос о Швядком, потому что сказано: бойтесь прежде всего тех, кто убивает душу. Посредством «культурной» революции он, как патологический садист, заживо расчленяющий тело и испытывающий при этом сладострастные ощущения, безнаказанно совершает надругательство над нашей уникальной цивилизацией. В результате его неукротимой, наглой, пошлейшей политики, искореняющей наш национально-культурный ареал, русский народ навсегда потеряет свою самобытность, забудет свою историю, превратившись в быдло, пожирая пойло, сваренное татушками, пугачевыми, макаревичами, гребенчиковыми, ерофеевыми, моисеевыми и проч. и проч. развратной нечистью, не подозревая о том, что у нас есть Пушкин и Достоевский, Суриков и Римский-Корсаков, другие величайшие сокровища духовной культуры.

Необходимо поставить вопрос о демографической и миграционной политике правительства, потому что сегодня Чечней становится уже вся Россия, в которой русские города, как казачьи станицы в Чечне, вскоре будут называться другими именами и возглавлять их будут представители пришлого племени, беспрепятственно заселившего наши дома, а на улицах городов и весей все громче муэдзины будут заглушать православные колокола. А оставшиеся на свободе потомки русских, забыв звучание родного языка, будут говорить «маладой картошка», «силадкий пэрэц», «мой шапка», «русский нэ понымаю»... В такой атмосфере ни Гоголь, ни Тютчев, ни Мусоргский, ни Нестеров, ни Шаляпин уже никогда не родятся!

Необходимо поставить вопрос, возможно, из первоочередных, о восстановлении и приоритетности православных ценностей и нравственных основ нашего народа. Необходимо очистить города и телеэкраны от мерзостной, развратной рекламы и похабных фильмов, спасти народ от половых извращенцев, которых почему-то щадяще называют «сексуальными меньшинствами», ввести смертную казнь для наркодельцов и растлителей детей и молодежи, а также для террористов, как учит тому Евангелие, лучше отрубить смертельно зараженные члены, чтобы не погибло все тело. Запретить преподавание в школах учебных программ, развращающих души подростков, ввести, как обязательную, нравственную цензуру на зрелища и массовую информацию.

Необходимо добиться тех законодательных условий, при которых, «гости», желающие жить на нашей земле, в нашем государстве, уважали бы наши национальные традиции и православные святыни, как это было в Российской Империи и в советское время почти тысячу лет.

Да, задач очень много, и все они далеко не простые. Вам достался в наследство корабль, истерзанный во время бури разъяренными фуриями. Это даже не наш корабль, на котором долгие десятилетия нам приходится плыть по бурным житейским правилам и не из наших отечественных материалов. Потому что однажды, когда мы мрачной ночью задремали, нашего Капитана убили, наш корабль потопили и подменили чужим. Но пока у нашего народа нет ресурсов — ни духовных, ни физических, — чтобы построить свой государственный корабль под названием Православная Монархия, мы вынуждены плыть на этом, и вам придется ежедневно чинить помки и латать пробоины, чтобы нам всем не пойти ко дну. Помогите нам Бог!

Валентина СОЛОГУБ.

г. Москва.

Станут ли чужими сыны Иегуды?

Это был сложный маневр — ведь для него пришлось разрушить дорогие для множества евреев символы и образы их коллективной памяти. Но этот маневр удался...

Поразительно, что даже война против нацизма не отмечена еврейскими поэтами как война советского народа, есть лишь лирические переживания самих евреев-фронтовиков или детей. И. Бродский говорит вслед за В. Гроссманом, что дело нашей войны было неправое. Вот, читаем в его стихах «На смерть Жукова»:

*Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?*

Вспомнил ли их,

*умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.*

Что он ответил,

*встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».*

Значит, и советский Неизвестный солдат, и вслед за ним Жуков пошли, по мнению Иосифа Бродского, прямо в ад. А мы то думали, что хоть они не провинились перед цивилизованным человечеством. Какие чувства бушуют в этих стихах Бродского? Каждый скажет: глухая, зрелая ненависть к Жукову. Хотелось бы допытаться у кого-нибудь из евреев — почему? Ведь, воевали бок о бок с русскими и другими народами СССР.

Когда прочтешь несколько раз сразу все стихи, как-то отражающие треугольник «СССР-евреи-Гитлер», то выходит, что ненависть вызывает именно СССР. А палачи евреев, СС, восприняты как некая потусторонняя сила, которая на миг появилась, потом исчезла, никакого отношения к немцам, Германии, Западу эта сила не имеет. Это — непонятный, но важный выверт еврейского сознания, который и сегодня действует.

В годы перестройки те, кто взял на себя роль рупора еврейства, выступили против советского строя уже совсем открыто. Вспомним, как использовали иудаизм для освящения борьбы против СССР. Главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт заявил в «Независимой газете»: «Германия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинакова. Так же и ситуация сейчас во многом сходна». Значит, война против СССР носила религиозный характер? Значит, наша страна олицетворяла «египетский плен», а мы, «египтяне», должны претерпеть все ужасы, насланные Саваофом на Египет?

Мало-мальски строгие исследования самих еврейских социологов показывают, что антисемитизма в СССР не было. Доля евреев в самых элитарных и влиятельных профессиях была такая, что сионисты начала века и мечтать не могли. Более того, уровень антисемитизма в СССР и даже сегодня в России согласно ряду междуна-

родных исследований, ниже, чем во всех изученных «цивилизованных» странах». Даже в «лучшем из миров» — США — был обнаружен высокий уровень антисемитизма. По данным 1993 г., 35—40 млн. взрослых жителей США «бесспорно являются антисемитами». Но антиамериканских настроений в среде лидеров российского еврейства и в помине нет.

На симпозиуме с учеными США в 1994 г. одна социолог, в прошлом секретарь партбюро моего института, жаловалась американцам — почти как инспекторам — на дискриминацию евреев в советских вузах. Те кивали головами — зная о проценте евреев с высшим образованием и учеными степенями в СССР (в 1982 г. число докторов наук среди евреев было в 17,5 раз больше, чем среди русских, в 29 раз больше, чем среди украинцев и в 37,6 раза больше, чем среди белорусов).

Я спросил докладчика и тех, кто ей кивал: какая, по их мнению, должна была бы быть «нормальная» доля евреев, если бы не было «дискриминации», и какова доля других народов? На вопрос не только не ответили, но и посчитали как бы неприличным. А ведь вопрос естественный.

...Когда вникаешь в подоплеку этого странного противоречия, начинает казаться, что суть обиды не в том, что в вузы не «пускали евреев», а в том, что к высшему образованию допустили «чумазых» — всяких казахов и узбеков. Вот как объясняет эту суть еврейский поэт:

*Шли дебилы по столице
в университет московский.*

.....

*И глядел на их движенье
восхищенно и печально,
в генах Эдисон, возможно,
мальчик Изя Шнейрсон.*

Что же получается: когда А. М. Макашов ставит чисто ритуальный вопрос о квотах национального представительства, это называют расизмом, хотя это именно демократическая идея «равных стартовых возможностей» детей из разных социальных групп и национальностей. А демократические наши «поводыри» называют требование принять в МГУ мальчика Изю на том основании, что он в «генах, возможно, Эдисон».

Представьте, в какую яму загоняет себя и своих единомышленников еврейский поэт. Ведь одно из двух: или он требует чисто политических привилегий для евреев по их анкетным данным (то есть явного национального неравенства в ущерб всем неевреям), или он просто расист, поскольку считает, что евреи генетически талантливее, а неевреи — генетически обусловленные дебилы.

...Образ окружающих еврея людей как дебилов, похоже, кое-кому греет душу. Через еврейские стихи о России проходит, повторяясь иногда почти дословно, одна болезненная мысль — о серости и глупости советской жизни. Сильнее и злее всего, даже со злорадством, она выражена у

Бродского, но это довольно общая мысль. Просто у других, в отличие от Бродского, она окрашена жалостью и ностальгией.

*Поделом мне, собаке безродной,
Прилепившейся жадно во мале
К этой горестной, глупой, галодной,
Разъединственной этой земле.*

Или:

*...Чтоб смогла отлюбить
Окаянный, бездарный, родной
Этот северный край,
Эту серую, горькую землю.*

Это горе трогает, даже не знаешь, чем помочь, «чтоб смогла отлюбить». Насчет бездарности, конечно, поэты загнули. Есть же у евреев творческие гиганты — Марк Захаров, Хазанов, Евтушенко-Гангнус.

Но если оставить шутки, то за этими злыми, в слезах, обвинениями России в бездарности слышится предчувствие катастрофы. И тут можно понять, какой великий план был «запорот» именно в советской России — план, на который надеялись в начале века. Эта катастрофа — бесплодность сионизма, оторвавшегося от России.

Вот и плачут поэты: ведь в серой «стране негодяев» расцветали и Пастернак, и Шостакович, блестящие математики и шахматисты. Жить им в России было плохо, неудобно: «там, наливая чай, ломают зуб о пряник...». И в какой-то момент евреи поверили, что и Шостакович, и Ботвинник возникли вопреки России, несмотря на ее жестокий и трехгранный штык. Стали лидеры еврейства собирать на Сион будущих шостаковичей не по-хорошему, а отрезая пуповину:

*Что за высоты
открылись с Сиона еврею!
Вычистил душу,
как будто загаженный храм.*

Но что-то было не так...

*Новые затеявши затеи
И со страха неровно балагура,
Едут приобщаться иудеи
К наконец-то*

собственной культуре.

Сегодня, через полвека существования такого, плюнувшего в колодезь, государства Израиль, итоги не слишком радуют духовно чуткую часть еврейства. Да, есть хорошая спецслужба «Мосад», работает творчески и безжалостно, но в ней видна матрица ГПУ. Неплохой автомат «Узи», но его сделал сотрудник Калашникова. Где же Песнь песней? Где хотя бы математики и шахматисты?

Но пока червоточина проекта не превратилась в его угасание. Разрыв не произошел, и не надо бы к нему вести. Русские его не hatten. Так и не думайте о русских. Подумайте о тех евреех, которые уже сегодня говорят с горечью, даже без знаков препинания:

*Когда умирает
мне придется чуть живы
Прошенчут мои полумертвые губы
Мы стали чужими Россия чужими
А были своими сыны Иегуды.*

Сергей Погорельский.

Огни и воды пройдены сполна...

Памяти писателя-земляка

Далеко от отчих мест — земли Бердюжской, в Хакасии, на 82 году жизни не стало Геннадия Филимоновича Сысолятина. Писателя. Поэта. Нашего земляка из староверов. Окуневца, как он любил себя называть. И еще важно заметить: солдата огненных сороковых, участника Великой Отечественной войны, офицера-артиллериста.

Да, уходят, истаивают последние ветераны великих боев...

А мы знали Геннадия Сысолятина по его книгам. Человека талантливого, уважаемого и в республике Хакасия, и в России. Знали и о тернистом пути его к литературным вершинам. Безотцовщина (отец бесследно исчез в годы крестьянского восстания в Сибири в 1921 году), в двенадцать своих лет остался и без матери, воспитывался теткой Меланьей Петровной Каргаполовой (тоже нашей землячкой из села Окунево), работавшей в те далекие годы уборщицей и сторожем начальной школы № 7 в Минусинске, куда уехала семья, скрываясь от притеснения властей — за отца участника восстания...

До войны Геннадий Сысолятин окончил Минусинское педучилище, учительствовал, заведовал школой. Но недолго. Пришлось надеть военную шинель. Окончив артиллерийско-минометное училище в Барнауле, он направляется на фронт, на передовую. Молодой командир батареи бьет врага на Донском, Сталинградском, Брянском и 1-м Белорусском фронтах.

*Мое остановилось время
На той войне, на той войне,
Когда я отдавал со всеми
Гражданский долг своей стране.*

С войны пришел в звании капитана, инвалидом Отечественной — после тяжелого ранения под Берлином.

Как поэт, писатель, журналист начал свой творческий путь еще в 1942-м. В огненных сражениях. Очерки, стихи о солдатском подвиге публиковал во фронтовых газетах, верил в Победу и приближал ее личным ратным трудом. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, многими боевыми медалями.

После войны — активная журналистская, писательская, переводческая деятельность. В 1954 году в Абакане вышел первый сборник стихов Г. Сысолятина «Первое слово». Принят был в члены Союза писателей СССР. Работал в республиканских газетах, в аппарате Хакасской писательской организации.

Особое место в литературной работе — переводы на русский язык национальных литераторов. Широко известна в его переводе книга шорского поэтического эпоса «Волосая струна».

*Я отдал годы и талант хакасам,
О чем не помышлял
ни днем, ни часом*

Мой окуневский, мой кержацкий дед.

В 1975 году за литературный труд Геннадий Филимонович награждается

Дипломом 1-й степени Международной книжной выставки. В эти же годы награжден орденом Дружбы народов, ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств Республики Хакасия».

В 1996 году увидела свет его автобиографическая книга «Повести о крутых временах». Памятью сердца возвращается он в этой книге к родным истокам —

Тюменской земле. Выходят одна за другой поэтические книги.

В Хакасии, в Сибири высоко чтят талант нашего земляка.

Выросли дети, подтянулись внуки, чтят прадеда правнуки. А родная земля Окуневская зовет, тревожит сердце. Этой земле посвящены многие строки произведений Г. Сысолятина:

*Я писем жду, как белых лебедей
С моих озер березового края,
Хоть там немного у меня друзей —
Там родина моя, а здесь — вторая.
Туда я уношу душу всей.*

*Но здесь я рос,
здесь век свой доживаю,
Вблизи могилы матери моей...*

И еще признается: «Мне на Ишим, домой, возврата нет...»

Не так. Сегодня поэт возвращается к отчим местам своими книгами, талантливыми строками прозы, поэзии.

К своему 80-летию уже большой, прикованный к комнатной коляске, но не сломленный недугом, Геннадий Филимонович с помощью друзей и семьи издает юбилейный двухтомник своих произведений.

Благодаря дружбе и плотной переписке со своим земляком поэтом Николаем

Денисовым, благодаря публикациям в «Тюмени литературной», мы, земляки, ближе узнаем творчество Геннадия Сысолятина, завязывается переписка поэта с членами Бердюжского землячества в Тюмени, с читателями из родного Окунева.

До последних своих дней, до последнего своего дыхания поэт — «солдат сороковых» — остается верен присяге, своему народу, своей советской Родине. Гневно звучат его строки по адресу «перестройщиков», прихвизаторов, губителей страны. До конца он остается на переднем крае:

*Таков мой век —
сиротство да война.*

*И ничего нельзя переименовать —
Огни и воды пройдены сполна.*

Уверен, что отмеряя Судьба поэту еще не один десяток лет жизни, он бы ничего менять в своем пути, в судьбе своей не стал. Жизнь была яркой, плодотворной и в памяти народной он останется колоритной личностью, патриотом Родины, сыном земли Бердюжской, достойным гражданином Хакасии, России.

Примечательно в этом плане стихотворение Г. Сысолятина «Наш Гоголь», написанное им еще в 1952 году:

*Пылает старый дуб.
Но жив еще Тарас,
Привязанный заклятыми врагами.
Он все еще грозит им
гневными очами,
Да разве для него настанет
смертный час?*

*Я помню исковерканный металл —
Фашистов остановленные танки, —
Недаром политрук тогда, в землянке,
Нам перед боем Гоголя читал.*

*Мы отстояли Родину в бою,
Шагнув за Днепр
от Волги, Дона, Чира.
Мы вывели милый край для мира,
И Гоголь с нами был в одном строю.*

*И делом вспомнил Гоголя народ:
Навстречу Волге*

*тихий Дон стремится...
Так разметала гриву «Тройка-птица»,
Стремительно летящая вперед!*

Мы, члены Бердюжской земляческой организации в Тюмени, скорбим вместе с родными, близкими, друзьями поэта и писателя Геннадия Филимоновича Сысолятина. Надеемся, что земляки будут о нем помнить всегда: книги, материалы о жизненном и творческом пути поэта-земляка, конечно же, найдут себе место в литературно-краеведческом музее села Окунево, который по инициативе землячества, по решению Бердюжской районной администрации решено создать в Окуневе — селе поэтов.

Леонид Третьяков,
председатель Бердюжской
земляческой организации
в г. Тюмени.

Священный бой

Нас бьют опять поодиночке,
Приемы старые просты.
Ты, кто читаешь эти строчки,
Встань рядом, если русский ты.

Нина Карташова

Все ясно, просто, очевидно.
Мои старанья — медный грош.
На Куликовом поле — Нина,
Знать, мужиков уж не найдешь.

За Русь, за веру непостыдно
Она зовет честных сынов
На бой с ордою жидовидной,
За честь поруганных отцов.

И сердце что-то укололо,
И я спросил — меня возьмешь?
Бить супостатов Божьим словом,
Хоть ростом мал я, ну и что ж.

И Бог поможет, даст глаголы
Превичной Истины простой...
Насупротив поганой своры —
Последний бой! Священный бой!

2002

* * *

Враг лукавый без копыа и жала
Снова нашу землю полонит.
Кто-то доигрался до «астрала»,
Кто-то во чуды норовит.

Рис. Ирины Холомьевой.

Вдруг открылось рвение у многих, —
Все родное грязью поливать.
Хоть и без того худы дорожки,
Как из грязи будем выползать?..

Что же нас все прошлое не учит?
И на что нам чуждая мораль?..
Те, кому лишь в мутных водах лучше,
В ад для нас проложат магистраль.

2002

* * *

В небесной сини день помалу таял.
Притихли разомлевишие луга.
Душа моя от дел и дум устала...
Присел в тиши, взирая за стога.

Средь кочек, под горой, журчит речушка.
Вдали, за поймой, в серой дымке лес.
Тропа ведет к охотничьей избушке...
Пора идти, темнеет синь небес.

Усталое светило скрыла туча.
И — вдруг, в мзновенье, озарилась ширь.
Пронзая сумрак властно, ясно, жгуче...
Последний взгляд на суетливый мир.

Небесная неведомая тайна
Взметнулась пред пытливою душой.
Ничто, ничто здесь в мире не случайно —
Дыханье трав, лесá, закат ...покой.

2002

*

Проба пера

Милетта Серкова,
студентка Тюменского университета.
Григорич

Когда приехали новосельцы, их дочке было не больше семи. Робкая девочка, похожая на миленькую куклу с большими темными глазами, вежливая и учтивая, что не очень-то свойственно ее годам. «Анюта, Аннушка!» — ласково называли ее соседи, быстро полюбившие ребенка. И она привыкала, осваивалась, но только один жилец внушал ей страх. Про Григорича все по-особому пошепывали и не задерживались в разговоре с ним. А Анюту при встрече с этим стариком на лестничной площадке пробирала дрожь...

Григорич сидел в тюрьме за убийство своей первой жены. После женился, да не повезло женщине! Много она натерпелась с ним, может, оттого и с головой у нее неладное стало. Лечиться не отправил, сам «ухаживал». А бабушка-то раньше хорошая была, добрая. Теперь больная женщина все дома сидела. Что делалось в квартире, никто не знал, лишь догадывались.

А жизнь мчалась, не теряя минут на сочувствие. Будни прикрывались заботами, а в праздники и выходные добавлялось немного радости.

Один день Аннушка запомнила, он был исключением среди подобных. Это был праздник — Пасха. Крашеные яички, вкусные пасхальные куличи и прославление Бога. Погода была чудесной, божественно-теплой и светлой. А маленькое сердечко Анечки отбивало очень добрую мелодию...

Григорич уже давно сидел на уличной скамье. Сгорбленный и весь темный, он думал. Девочка приметила его с утра и изредка поглядывала в окно, как будто разгадывала загадку. «Мама, а можно я?» — неожиданно заговорила дочка. И не дожидаясь подбираемых слов, мама заполнила паузу: «Можно!» — догадавшись о просьбе. Осторожно спускалась Аня по ступенькам, но тишина выдавала ее шаги и нервное поспывание. «Александр Григорьевич! Здравствуйте!» — зазвенело в ее ушах и тихо послышалось в действительности. «Здравствуй, Аннушка!» — хрипловато ответил он и посмотрел на нее. Его маленькие серые глаза казались потухшими, что зола из печи. И вдруг растаял страх перед этим человеком, она осмелела. «Христос Воскресе!» — радушно произнесла Анюта и протянула пасхальный кулек.

Он молчал, потупив взгляд, потом с детской робостью посмотрел в ее прекрасные глаза и ответил: «Воистину Воскресе!». В его большие ладони погрузился кулек, и они заметно задрожали. А на глаза накатилась лавина слез. Они заблестели влагой, которая рвалась наружу. Две большие капли оторвались и покапались вниз...

Она смотрела на него и молчала. «А моя вот, бабушка, больше ничего уже не стряпает!» — жгучим голосом промолвил он, посидел еще немного и побрел домой.

Долго он скрывался за стенами своей квартиры. Редко выходя из дома по делам. Григорич совсем постарел и обрюзг. Через полгода у него умерла жена. Говорят, он рыдал в старый мозолистый кулак. И спрашивал, все твердил: «Как же я теперь один?!». А в ответ безмолвно качали головой, не зная, как его душила эта тишина.

Сергей АБРАМОВ

В тиши таежной

Мимо поселка бегут поезда — на юг.
Стены от стука колес то дрожат,
то вздыхают.

Вдаль заывают колеса судьбу мою.
Шорох тайги в эту дальнюю даль
не пускает.

Или же белые ночи виною тому,
Может быть, снова
придумал себе оправданье.

В тихой деревне сложу себе дам по бревну:
Тихую песню сложу —
где любовь и страданья.

Дальние дали, наверно, мне нынче не впрок.
Да и не рвется душа поглядеть на пейзажи.
Бродни надену, свой дам затворю на замок,
Ранняя зорька мне добрую сказку расскажет.

Это не чудо-ль?! — дышать тишиною лесов...
Это-ль не сказка —
кукушку на зорьке послушать...

Тут для души Тишина, словно Вечный засов
От суеты оградит не смиренную душу.

2003

Сергей Владимирович Абрамов живет и работает в поселке Борсово под Сургутом. В библиотеке «Тюмени литературной» недавно вышел первый сборник стихов молодого автора «Небесные истоки». Данная публикация — стихи из этой книги, печатавшейся в издательстве «Исеть» г. Шадринска.

Поздравляем!

Бульжником в окно

• Из нашей почты

Со светлым чувством вспоминаю солнечные дни, когда писатели многих городов Урала и Сибири собрались в гостеприимном городе Ишиме, чтобы провести мастер-классы с молодыми талантами. Ассоциация писателей Урала, Администрация Тюменской области и города Ишима сделали все, чтобы работа совещания, проходившая на родине П. Ершова, была творчески насыщенной, доброжелательной, комфортной.

И не хотелось на пленарном заседании портить настроение участников и устроителей. А был серьезный повод, чтобы честно высказаться по щедро раздаваемой книге А. Б. Чернышова «Тюменскому региональному отделению Союза писателей Тюмени 40 лет». Вначале я, как, думаю, и другие, порадовались за коллег, как-никак юбилейное издание, цветные фотографии, история организации... Каково же было наше изумление, перешедшее, не скрою, в возмущение, когда мы прочли и увидели: значительная часть книги (до 30%, если не считать перечня документов) — это ругань, склочные разборки и клеймение сотоварищей по перу. И кем запущен этот бульжник в окно? Ответственным секретарем ТО СПР С. Шумским и подпевающими «главному солисту». В чем же дело? Чем им стали неугоды лауреат литературной премии имени Мамина-Сибиряка, поэт, активист литературного процесса на Урале и в Сибири Николай Денисов и ответственный секретарь писательской организации Ханты-Мансийского национального округа Николай Коняев, талантливый прозаик, руководитель, честнейший и порядочный товарищ?

Дело в том, что эти писатели выступили в газетах с критическими статьями по поводу дел в Тюменской писательской организации. Я читал эти статьи. Не скрою, в некоторых был перехлест, например, одна из статей дразнительно называлась «Поганки на Парнасе», были неточности и в статье Н. Коняева. Но! И тот, и другой обеспокоены главным: нехорошо идут, братья, дела в нашем писательском доме, надо, надо что-то делать, спать положение!

Не хотелось бы влезать со своим уставом в чужой монастырь, но и мне и другим коллегам по Ассоциации давно видно, что это так. Иначе почему Тюменское писательское сообщество распалось на глазах и образовывались еще две структуры — Тюменское отделение Союза российских писателей (неужели только потому, что, по выражению С. Шумского, Николай Шамсутдинов вместе с «тремя-четырьмя клеветами» «по-тихому смылся в альтернативный Союз, благо там пахло синекурой»). Чувствуете, читатель, уровень «дискуссии»? И это — в отношении своего недавнего собрата, известного поэта! и Тюменскую ассоциацию литераторов, возглавляемую прозаиком А. Кравцовым. Почему эти две структуры с пониманием вступили в Ассоциацию писателей Урала, чтобы совместно делать добрые дела, а С. Шумский и К^о отвернулись от АСПУР? Насильно мил не будешь, но тоже — показатель, нам-то кажется, что сила не только в правде, но и в единстве. И Всероссийское (!) совещание в г. Ишиме, ярко продемонстрировало литературную соборность.

Главная забота Н. Коняева, выраженная в статье, опубликованной в «Литературной России» — чистота рядов Союза, необходимость приема действительно талантливых, профессионально сформировавшихся литераторов. Разве это дело — в Ханты-Мансийске кого-то не принимают в Союз, они подаются в областной центр, и С. Шумский берет их под свое крыло? И разве это правильно, когда по решению областного семинара скопом принимается по 6—8 человек? Во-первых, областные совещания не вправе принимать в Союз писателей, такие рекомендации могут давать лишь собрания всероссийского масштаба с участием секретарей СП или членов приемной комиссии. Во-вторых, настала пора строгого отбора действительно достойных. Вот вам два примера: по итогам Ишимского совещания рекомендованы в Союз писателей всего 6 человек (2 — по Челябинской области, 1 — по Свердловской и т. д.); подоб-

ная конференция 2003 года по Северо-западному округу (Санкт-Петербург) приняла лишь 4-х (!) человек. Это не значит, что остальных, способных, надо отпугивать, отбрасывать, нет, их надо растить и пестовать и наблюдать — растут ли они.

И вот за такую-то принципиальную позицию секут Н. Коняева и в хвост и в гриву, обвиняют и во лжи, и в «князеческих» замашках и уже метят политическим (шутка ли!) клеймом, дескать, он «провоцирует читателей на раздраз территории области».

Да... А ведь публикация этих писем-статей в юбилейном (!) сборнике ведет к дальнейшей конфронтации. Одно дело — газетные дискуссии, другое — на всю жизнь «размазать» своих оппонентов в книге, которая будет храниться в библиотеках и архивах в XXI веке и далее... (На то и рассчитано. — «ТЛ»).

Поднаторевшие в ругани авторы книги походя обрушиваются и на АСПУР, на «ушлую уральскую братву — мордворот на мордвороте», которая «все норевит чашу круговую мимо пронести... все из нее до доньшка повыхлебывает».

А «уральские мордвороты» за эти три года не только организовали несколько значительных дел, за пределами Свердловской области, но и у себя четырежды принимали участников-гостей: на учредительной конференции, на маминских юбилейных торжествах, на двух Всеуральских совещаниях молодых в Нижнем Тагиле и Каменск-Уральском.

Во время прощального банкета Ишимского совещания группа писателей решила провести оперативное собрание, призвать С. Шумского к совести. Но этого сделать не удалось, Шумский спал, уже крепко «поднабравшись»...

Тогда кто-то из москвичей предложил бросить к дверям его номера подаренные книги... Потом решили, что надо написать об этом. И пусть тюменские писатели сами решат, как им жить дальше — в творческом содружестве или в злобном раздразе, в войне или мире.

Пишу этот текст, а рядом, на столе, «Литературная газета», а в ней, на первой полосе, слова русского Святого Серафима Саровского. Вот как часто обращался св. Серафим к собеседнику: «Радость моя, молю тебя, стяжи дух миров, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

Да наступит «дух миров», дух творчества и согласия и в писательской среде.

Владимир Блинов,
сопредседатель Ассоциации писателей Урала.

★

Послесловие редакции. Публикуя письмо В. Блинова, отмечаем, что автор коснулся только малой части бед, происходящих в последние годы в творческих союзах. Беды эти — не только проблемы «смутного времени». По вине горе-руководителей типа Шумского и уже с ним за счет массового «призыва в литературу» полуграфоманского контингента упал престиж творческих союзов, размыто само высокое звание писателя, каковым оно было до «перестроечных» лет. Вопрос членства в СП нередко решается по принципу личной преданности, обладателями «корочек» становятся люди случайные.

Получение этих членских «корочек» в Москве стало делом рядовым. Похоже, ценится не талант, не божий дар, а нередко тугой кошелек. Как и во многих сферах нынешней российской действительности.

Мы помним времена в Тюмени, когда писательской организацией руководил известный писатель Константин Лагунов. Авторитет организации был велик. Подобного, описанного в письме В. Блинова, не могло произойти.

Сумеет ли тюменские литераторы соорганизоваться в ближайшее время, — грядет общее собрание коллектива, — сформировать руководящее ядро местного СП из талантливых, честных, авторитетных писателей — вопрос принципиальный.

Русская катастрофа

...«Избыточная смерть» (с учетом 2003 года) за «окаянные годы» (1992–2003) великих реформ в России достигла 20–25 млн. Убыль русских, русская катастрофа, составляет 17–22 млн., скорость исчезновения русских составляет: 1 825 000 – в год, 5000 – в сутки, 200 – в час!!!

Русская катастрофа — это прямое, неизбежное и неотвратимое следствие, самый важный из итогов проведенной приватизации.

...«Сохраниться». Русская национальная идея: «Сохраниться!»

«Отечественные записки», 11.12.2003 г.

К. А. Васильев. Нашествие. Холст. Масло. 1973 г.

С В О Б О Д А

*К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.*

А. С. Пушкин

Скользя и падая нелепо,
Нажравшись телебелены,
Россия чокнулась. И слепо
Пасется в стаде сатаны.

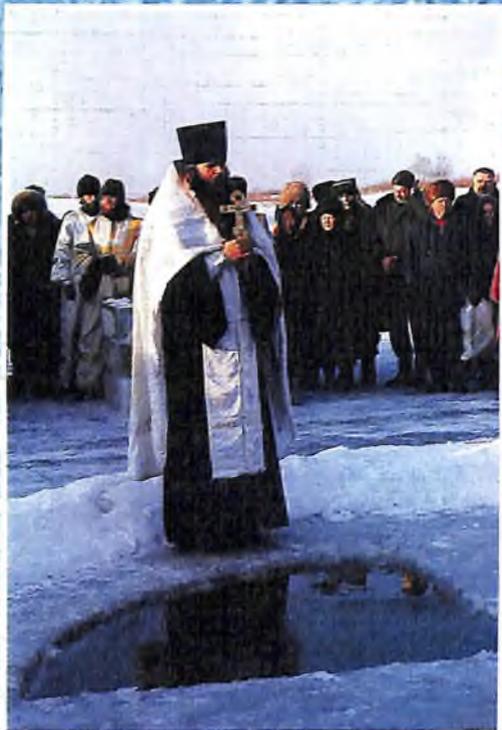
Народ? Наверно, только в песнях
Остались удаль и броня?
Он все тупей и бессловесней,
Все круче стрижка и резня.

Пойди сыщи единоверца,
Враз охладеешь, видит Бог,
На пепле пламенного сердца
Он свечку кроткую возжёт.

И рад! И верит в час спасенья,
Как бы не видя куража,
Убогий символ возрожденья
Рукой слабеющей держа.

Николай Денисов
1996

Крещенские купели в Тюмени

В день Крещения Господня православные вспоминают о том, как в возрасте 30 лет Иисус из Галилеи пришел к реке Иордан, чтобы принять крещение водою от Иоанна — последнего великого ветхозаветного пророка, которому Бог судил стать Предтечей и Крестителем грядущего Мессии.

В память этого евангельского события церковь и установила праздник Крещения или Богоявления.

В России в этот день многие православные норовили искупаться в проруби, несмотря на трескучие морозы. В Тюмени в наше время впервые такой праздник состоялся в 1999 году — на реке Туре в районе Верхнего Бора. Далее Крещенские купания проводились в 1-м Заречном микрорайоне.

К месту Крещенской купели тюменцы приезжают семьями, трудовыми коллективами, спортивными командами. После погружения в Крещенскую воду, душевный подъем и восторг, по свидетельству многих, мало с чем сравним.

Наряду с Тюменским благочинием, администрацией города Тюмени, в организации праздников принимают участие — об-

щественное движение «Сибирь православная», коллективы автохолдинга «ТАЦ ГАЗ», холдинга «Ангар».

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.
Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.
Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 25.02.2004.
Тираж 700 экз. Заказ № 216.
Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. ПЯТКОВОЙ.
Корректор В. БУМАГИНА.

Главный редактор **Н. В. ДЕНИСОВ**

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

